Другие миры

Марина Александрова

Властитель ледяного сердца

Марина Александрова

Властитель ледяного сердца

Серия «Другие миры (АСТ)»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69387340
Властитель ледяного сердца. Роман: SelfPub; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-149684-5

Аннотация

Кто-то скажет – от судьбы не уйдешь, а кто-то просто знает, что жизнь невероятна и непредсказуема. Еще вчера Йолинь была яркой птичкой в золотой клетке, беспринципной и циничной. Она умела ставить цели и достигать их, чего бы это ни стоило. Ей нужен был лишь ключ от клетки, чтобы сбросить оковы предопределенности. Казалось, стоит получить желаемое и ее ждет лишь полет к новым высотам. И что же в итоге? Клетка распахнута, вот только крылья сломаны…

Осознать свои ошибки, принять их – не значит начать жить заново. Этому ей еще придется научиться. Ведь золотая клетка не только держала ее в неволе, но и защищала от всех невзгод мира. Любое сердце мечтает о любви, даже то, которое, кажется, соткано изо льда…

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 142

Марина Александрова
Властитель ледяного сердца
Роман

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Марина Александрова, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Невысокая женская фигурка, укутанная в нежно-голубое кимоно из плотного сукна, неспешно поднялась по деревянным ступеням, ведущим в незамысловатое жилище из серого камня. Простое по своей форме, холодное и неродное по ощущениям. Это был обычный дом, странным образом расположившийся почти на самом краю скалистого обрыва. Холодные северные ветра беспощадно путались в неж-

ных складках кимоно, норовя сорвать его с плеч своей хозяйки. Но ни жестом, ни своим видом девушка не показывала, как ей неудобно двигаться в таком облачении в условиях севера. Уже оказавшись на просто сколоченном деревянном крыльце, она нерешительно обернулась, смотря, как золотой солнечный шар тонет в глубинах ледяного фьорда, на краткий миг превращая окружающее пространство в сказочный нереальный мир, сияющий и волшебный. Она любила эти секунды между днем и сумерками. Здесь, в чужой стране, это стало ее любимым временем, когда она могла хотя бы на миг представить, что в ее жизни еще возможно чудо. Мириады огненных искр окрасили темную гладь, и в душе всколыхнулось что-то такое… Надежда? Да, такая сладкая, чуть солоноватая и в то же время горькая эмоция, которая утонет вслед за солнцем в северных глубинах.

Уже ничего не изменить. Она сделала то, что сделала. Она ошиблась… сильно, и теперь ничего не вернуть. Хотя, по сути, она добилась того, о чем мечтала. Она свободна и независима. У нее свой дом на скалистом берегу Аранты, и она никому и ничего не должна. Вот только почему, когда наконец получаешь то, о чем больше всего мечтала, так хочется кричать во весь голос…

Миг ее маленького волшебства, которое она получала каждый день утром и вечером, подошел к концу. Ветер стал ощутимо холоднее, и пока еще легкие сумерки опустились на землю. Иола наклонилась, подбирая с пола последнюю охап-

ку дров, чтобы немного протопить печь перед стылой весенней ночью, и приоткрыла дверь в свой простой дом из серого камня. Внутри царил полумрак, развеваемый несмелым пламенем свечи и бледным светом уходящего дня. Она бережно опустила древесину у просто сложенной печи и подошла к окну. Опустилась на колени перед низким столиком, на котором сиротливо расположились письменные принадлежности. Развернула широкий лист бумаги, положив его прямо перед собой. Взяла кисть и емкость с тушью. Придерживая широкий рукав кимоно, девушка аккуратно опустила кончик кисти в черную гущу, после вывела один символ, затем другой. Так рождалась странная вязь ее письма, которое она не единожды пыталась начать писать, но за два года так и не смогла закончить.

«Йолинь Тай Мэ, младшая не наследная принцесса дома Мэ Империи Солнца, дочь Императора Солнца, – гласили первые символы ее послания. – Рожденная в году 2585 Лунного тигра в месяц, когда цвел аймун, на первый день полной луны».

Глубокий вздох вырвался из женской груди. В который раз она писала эти строки и не знала, как продолжить. Что сказать? Как объяснить, что с ней произошло? Как найти подходящие слова, которых попросту нет! Как признаться в содеянном, если у нее не хватает духу сделать это даже наедине с собой.

Минуло уже около двух лет с тех пор, как она покинула

Империю. За это время она успела стать палачом и жертвой, едва не умерла и похоронила себя заживо, воскресла и из принцессы превратилась в отшельницу, забытую всеми и проклятую неупокоенными душами, которые обрекла на верную гибель. Осознание содеянного приходит с принятием вины. Раскаянье – вот ее проклятье. Единственным лучиком света в свое время для нее стала Дайли. Она не позволила ей уйти млечной тропой к предкам, научила ее, как стать чище душой, как воскреснуть и позволить себе жить дальше. Когда-то ей казалось, что убитые ею люди – это вещи. Ее собственность, на жизнь которой она имеет право. Что сделала с ней Дэй, Иола не знала до сих пор. Но с излечением тела она ощутила, словно ее душа прошла через странный невероятный этап очищения. Она почувствовала себя такой хрупкой и беззащитной, немощной и одинокой, счастливой и убитой горем. Первым порывом Иолы, когда она пришла в себя после того, как Дайли начала лечить ее, было пройти через очищающую смерть (ритуальное самоубийство), дабы освободить себя от бремени грехов, которые теперь, казалось, грязными подтеками растеклись по ее такой хрупкой возрождающейся душе. Тогда ее остановила Дайли, сказав, что так она не сможет ничего исправить. Убив себя, Иола лишь еще больше запутается там, где поправить что-либо будет уже поздно. Время восстановления после болезни теперь Иола вспоминала особенно часто, не позволяя себе забыть те чувства и ощущения, что испытывала тогда. Словно

младенец, она делала первые шаги, будто и не прожила она тех лет, что училась чувствовать окружающий мир заново. Презрение, которым окатывали ее северяне, было вполне заслужено. Теперь маленькая принцесса это понимала, но так больно ей было от каждого недоброго взгляда, столь остро она переживала каждое недоброе слово, как если бы ее резали лезвием меча прямо по сердцу.

– Почему так, Дэй? – спросила как-то Иола, когда Дайли привычно брала ее на прогулку по саду, чтобы девушка лучше восстанавливалась.

– Я перестаралась, Йолинь, – впервые честно призналась подруга.

– Что? – посмотрела тогда Иола прямо в зеленые глаза девушки. Странная особенность появилась у Иолы вместе с восстановлением физических функций ее организма. Казалось, стоит заглянуть человеку в глаза, и она увидит о нем куда больше, чем он ей расскажет словами.

– Это эмпатия, знаешь, что это такое?

Иола неуверенно кивнула тогда.

– Понимаешь, работая с твоими внутренними токами, я…

– Слишком старалась, – понимающе улыбнулась принцесса. Странное дело, но она была благодарна Дэй за свои новые способности. Несмотря на то, что теперь ей было практически все время больно от отношения окружающих, она ощущала себя невероятно счастливой. Было такое чувство, словно до этого времени ее сердце было выморожено, а эмоции

атрофированы. А сейчас она слышала мир, дышала вместе с ним полной грудью и получала от этого истинное удовольствие и точно такую же нестерпимую боль.

– Ты научишься управлять этим, – ободряюще улыбнулась Дэй, заглядывая девушке в глаза. Иола словно взглянула на себя глазами подруги, она была уверена в правдивости ее слов. А еще ей нравился тот свет, с которым на нее смотрели зеленые глаза.

Прошлым летом Дэй вышла замуж за одного из Властителей. Иола чувствовала их любовь, и это было той эмоцией, в лучах которой ей становилось тепло. Когда Дэй узнала, что в положении, казалось, ее радость от принятия новых жизней переплетается с эмоциями Йолинь. Словно сообщающийся сосуд, она воспринимала витающее в воздухе счастье, что пришло в земли Севера с известием о том, что скоро родится долгожданное дитя. О ней самой забыли в то время, и это было еще одним поводом для радости. Жить стало немного легче. Ненадолго.

– Я хочу, чтобы ты отправилась с нами, – искренне сказала Дэй спустя несколько месяцев со дня свадьбы. Ранее плоский животик уже имел чуть округлые очертания. И если Дайли могла чувствовать своих детей, как Тень, то Йолинь теперь тоже ощущала, что жизнь, зарождающаяся под сердцем женщины, еще мало похожа на человека, но уже способна к ощущениям. Такие светлые, чистые души, лишенные зла, что было больно даже находиться рядом с Дэй. Невероятный

трепет охватывал ее от одного пребывания рядом. Хотелось прикоснуться к животу подруги, и в то же время ей казалось, что у такой, как она, нет на это права.

Брэйдана тогда не было рядом с Дэй. Он никогда не приходил к ней вместе с девушкой. Она знала почему. Его чувства было сложно спрятать даже под искусной маской ледяного безразличия, которую он надевал всякий раз при встрече с Иолой. Она знала, как на самом деле ему неприятно не только ее присутствие, но и то, что Дэй продолжает общаться с ней. Она чувствовала, что он до сих пор не в состоянии забыть и простить ей тот день, когда думал, что потерял свою половинку навсегда. И была с ним согласна. Это была ее вина и всегда будет таковой.

– Ты уезжаешь? – удивленно изогнув бровь, спросила девушка.

– Я, Брэйдан, Кельм и Тэо, – согласно кивнула она.

– Куда?

– На другой конец страны, в земли, что теперь пришло время восстанавливать после разрушительных экспериментов Ингвера.

– Но… разве это не опасно для тебя? Я имею в виду твое положение…

Дэй хитро улыбнулась, кладя руку на свой еще небольшой животик.

– Мое положение прекрасно, а не опасно, – чему-то рассмеялась она. – Мне бы не хотелось оставлять тебя тут од-

ну. Несмотря на то, что Совет согласен обеспечить тебя всем необходимым, ты останешься совсем одна.

На какой-то миг Йолинь задумалась, осознавая сказанное Дэй. Ее единственный друг уезжает. Но предлагает ей поехать вместе с ней, чтобы ей, Иоле, не было одиноко. Она чувствовала, что Дэй предлагает ей ехать искренне, но вот как к этому отнесутся другие? С обретением новых способностей ей с каждым днем становилось все сложнее выносить общество людей. Их мысли, эмоции причиняли физический дискомфорт, порой даже боль. И Брэйдан… он имеет право на то, чтобы наслаждаться своей семьей без обузы в ее лице.

Глубоко вдохнув, Йолинь сказала:

– Нет, я не поеду, Дэй.

Казалось, в этот миг что-то из другого мира взглянуло со дна зеленых глаз Дайли. Невероятно древнее, мудрое существо лишь мельком заглянуло в самую душу принцессы, понимая гораздо больше, чем могла бы сама Иола, проживи она хоть тысячу жизней.

– Хорошо, – кивнула Дайли, взяв руку Иолы и приложив ее к своему животу.

От восторга, которым тут же наполнилось сердце Йолинь, у нее едва не закружилась голова. Настоящая песня жизни сплеталась под кончиками ее пальцев.

– Мы еще увидимся, когда ты наконец сумеешь понять, – усмехнувшись, сказала Дэй, легко соскакивая с высокого валуна, на котором они сидели все это время.

– Понять что? – недоумевающе нахмурилась Иола, спускаясь вслед за подругой. Не столь легко и грациозно, но все же.

– Свои права, – фыркнула Дайли, подхватывая принцессу под руку и уводя ее в сторону просторной избы, которую Иоле выделил Совет. В самом центре Аранты. Которую уже спустя две недели девушка сменила на просто сложенный дом из серого камня на ее окраине.

С тех пор как уехала Дэй, прошло уже полгода. Как Йолинь пережила эту зиму, ей и самой не верилось, но она выбрала именно такой способ выживания в Аранте. Многое из того, о чем она мечтала ранее, стало для нее недоступным. Так, мысль о том, что она сможет покинуть Аранту, как только отпадет необходимость в браке с одним из Властителей, оказалась всего лишь фантазией. Совет ясно дал понять, что возложенные обязательства он исполнит. Сбежать? Было невозможно. Сперва она долго болела и восстанавливалась после примененной ею магии. Позднее оказалось, что ни один житель Аранты не желает иметь с ней дела. Нанять корабль, оплатить свой побег – все это было бы возможно, если бы не следующие обстоятельства: она стала персоной, с которой не стал бы иметь дела ни один порядочный северянин. Во-вторых, у нее элементарно не оказалось денег, кроме той минимальной суммы, что выделял ей ежемесячно Совет из ее Материнского залога, который был изъят в день, когда все в ее размеренной жизни переменилось.

Что значило для такой, как она, освоить ведение быта? Научиться готовить еду самостоятельно? Стирать? Штопать? Колоть дрова? Каждое действие повергало Иолу в шок, она заново училась жить, планировать бюджет из выделяемых ей средств. Нанять слуг? И ощущать день за днем их эмоции, в основном негативные, направленные в ее адрес? Единственное, что со временем она смогла себе позволить, так это приглашать к себе людей, которые согласились бы выполнить для нее самую тяжелую работу. Наколоть дров впрок, заготовить корм птице, которую она завела, чтобы не быть слишком зависимой от окружающих. Раз в неделю поход на рынок за едой, раз в месяц за чем-то из одежды или тканью для оной. Больше никаких контактов. Чем меньше, тем лучше. Иногда у нее получалось контролировать себя и закрываться от окружающих, но это было спонтанным и редким явлением. Зато, живя отдельно ото всех, она начала рисовать. Словно что-то глубоко внутри буквально рвалось вылиться в картину на холсте. И когда, мазок к мазку, складывался очередной пейзаж, она наконец чувствовала странное умиротворение. Дайли любила ее работы. Она называла их «дыханием души». Что под этим имела в виду девушка, Йолинь не очень хорошо понимала, но ей было приятно, что Дэй так отнеслась к ее творчеству.

Зима выдалась на удивление не такой суровой, как предыдущая. Но те дикие ветра, что завывали в то время под ее окнами, Иола не забудет никогда. Дом стоял на обрыве, у са-

мого моря, оттого было особенно холодно даже сейчас, когда наконец-таки пришла долгожданная весна. Шторма, царившие в то время над морем, отдавались гулким эхом на побережье. Иоле казалось, что она в центре развернувшейся бури. Тяжелые свинцовые облака затягивали небо до самого горизонта, волны достигали такой высоты, что, казалось, еще немного, и они вырвутся из крепких оков фьорда, заглатывая в недра океана упрямую сушу. И снег. Йолинь за всю свою недолгую жизнь не видела столько снега, сколько выпало здесь на севере за последние два года. Но несмотря на то, что она никогда прежде не любила ни снег, ни холод, ей нравилась зима. Именно зимой она чувствовала, что все в мире совпадает воедино. Ее внутреннее состояние и то, как поворачивается окружающий мир.

* * *

– Ты это серьезно? – несмотря на внешнее спокойствие, в голосе Рика слышались явные рычащие нотки. – Я. Не. Стану. Этого. Делать, – жестко чеканя каждое слово, сказал он, склонившись над широкой чашей, наполненной странно мерцающей в свете полной луны жидкостью. Но вместо своего собственного отражения мужчина с плохо скрываемым раздражением смотрел на одного из старейшин. Ерд находился сейчас в Доме Совета и на связь с Риком вышел как раз в то время, когда приличных людей из кровати выдер-

гивать просто непристойно. Рик уже полгода, как перебрался в свое родовое поместье в пригороде Аранты, решив, что поход окончен, а стало быть, надо немного и делами заняться, все же он опора для своих земель. И пока не все Измененные уничтожены, его земли нуждаются в его защите, как никогда прежде. С уничтожением Источника Ингвера Твари стали совершенно неуправляемыми, нападения участились, и его присутствие, как Властителя, было просто необходимо.

– Так решил Совет, – коротко ответил Ерд, откидывая за спину копну светлых волос.

– А мне наср… все равно, – вовремя исправился мужчина. – Я не собираюсь жениться на ней! В этом нет более никакой необходимости!

– Мы взяли на себя обязательства…

– Вот сам тогда и женись!

– Это не предложение, – усмехнулся Ерд, явно наслаждаясь произведенным эффектом. – Это приказ, – жестко припечатал он.

Рик устало прикрыл глаза цвета предштормового неба, чтобы скрыть ту бурю, что сейчас разворачивалась на самом их дне. И судорожно вцепился в края чаши, над которой и велась беседа.

– Мне не нужна жена, особенно такая, – брезгливо процедил мужчина последние слова.

– Когда ты сможешь забрать ее? – словно не услышав последних слов собеседника, спросил Ерд.

Поняв, что спор не принесет результата, Рик скупо процедил сквозь сжатые губы:

– Недели через две.

– Отлично! Поздравляю! – широко улыбнулся Ерд, в то время как в ответ ему полетело:

– Да пошел ты, козел!

Последних слов старейшина уже не услышал. Связь прервалась.

Выходя из небольшого зимнего сада, где находилась чаша Серебряного фонтана, которая порой выполняла функцию вот такого вот прибора связи, Рик чувствовал, что ярость переполняет его. Это же надо! Жениться! И на ком? На той, что ради собственной выгоды, не задумываясь, обрекла их всех на смерть?! На той, что превыше всего в этом мире ценила собственный корыстный интерес?! Одно дело, если бы этот брак был обусловлен выбором сердца, и совсем другое, когда та, которую они так долго искали, уже была найдена!

– Принцесса, – фыркнул он, раздосадованно ударяя кулаком о косяк двери в собственную спальню.

– Рик? Это ты, милый? – донесся нежный девичий голосок с его кровати.

– А ты думаешь, кто-то еще отважился бы войти в мою спальню? – несколько грубо спросил мужчина, смотря на обнаженную женщину, что сейчас нежилась в его постели. Марсия, как быть с ней? Не то чтобы он ее любил, но с ней было удобно. Она следила за хозяйством в доме, была недур-

на собой и давно уже обитала в его поместье не просто как прислуга, а больше – как хозяйка.

«И куда мне девать ее? – мысленно фыркнул мужчина, садясь на краешек постели. – Брак! Большей бессмыслицы и быть не может! Хотя – может: брак, в котором нет никакого смысла, вот настоящий идиотизм! Ну, подумаешь, осталась бы она жить свободно, неужели ее папа Император проявил бы хоть малейший интерес?»

– Марсия, тебе лучше уйти, – холодно сказал Рик, не глядя на женщину. Спать не хотелось, заниматься тем, ради чего сюда пришла девушка, тем более.

– Что это значит? – фыркнула женщина, резко усаживаясь на постели.

Рик обреченно закатил глаза, предвкушая очередной припадок женской логики, раздраженно проведя рукой по белоснежным волосам.

– Просто уйди, – в голосе его не было злости, скорее он прозвучал как-то устало и безэмоционально.

Слушая, как за его спиной Марсия молчаливо одевается, раздраженно фыркая, Рик думал о грядущем.

«Ну право слово, это же бред! В чем смысл свадьбы для такого, как я?»

Свой опыт семейных отношений он уже получил. И произошло это не одно столетие назад. Еще до того, как все в их мире перевернулось с ног на голову. Была в его жизни красавица Лисана. Белокурое создание с небесно-голубыми

глазами, которую он любил, казалось, больше жизни. Та любовь представлялась ему больше, чем вечность. У него был сын, который умер совсем еще маленьким, не сумев пройти через изменения. В те времена не осталось семьи, не потерявшей ребенка, не вкусившей горький плод бессмертия. Иллиас умер, когда ему было шесть. Вслед за ним ушла и Лисана, не сумев пережить потери, осознать, что, потеряв двух детей еще в утробе, не сможет более стать матерью. Тогда Рик понял лишь одно: все, что у него есть – это тлен. Его плата за долгую жизнь, за подвластные ему силы – это видеть тлен еще в живых людях, в возможных эмоциях и привязанностях. Не пройдет и нескольких десятков лет, как любое чувство, любая привязанность, человек обратятся в прах, сгниют и исчезнут из мироздания. Такова его цена за долгую жизнь, за возможность иметь больше, чем кто-либо. А по сути, быть одиноким в самом глубоком смысле этого слова.

«Все пройдет», – прошептал он присказку, что давно поселилась на его языке.

Раз на этом настаивает Совет, он примет это решение. Побудет женатым несколько десятилетий, похоронит жену и продолжит жить дальше. Все предсказуемо. Только вот как преодолеть это вроде бы такое несущественное расстояние длиною в чью-то жизнь?

Он не видел принцессу Аира со дня, когда Сердце признало в Дэй и Брэйдоне истинную пару. Его впечатления об

этой женщине походили на то, как если бы он стал свидетелем чего-то вызывающего брезгливость. Конечно, Рик и сам не был святошей. Что уж говорить, за свою жизнь его руки утопали в крови, если не по локоть, то по самые плечи точно. Но он брезговал этой женщиной, считая ее беспринципной, эгоистичной, жестокой и глупой. Те качества, которые он не выносил в людях, сплелись в этой маленькой женщине. Он не мог заставить себя назвать ее по имени даже в мыслях. Для него она оставалась «этой женщиной». А для северян имя означало очень много. Человек без имени – как пустое ничто без прошлого, настоящего и будущего.

По традициям Севера Рик должен был заслать сватов с дарами к невесте, которые, в свою очередь, просили бы ее ему в жены у родителей невесты. Затем была бы свадьба, на которой бы плакали подружки невесты, собирая ее к жениху, в то время как жених пытался бы «выкрасть» невесту, подкупив тех, кто должен был ее охранять. Было бы пышное гуляние на несколько дней, в котором принимала бы участие вся Аранта.

На деле же, единственное, на что был согласен Рик, так это завыть в голос вместо подружек невесты и умолять ее не выходить за него замуж.

Размышляя об этом, он представил, как приедет свататься, зайдет в дом и с порога заявит: «Привет, я твой будущий муж, собирайся, злобная стерва! Невесты хуже и вообразить нельзя, но что поделать, теперича ты моя!»

– К демонам, – зло фыркнул мужчина, как только за Марсией закрылась тяжелая дубовая дверь. – В конце концов, у меня просто появится лишний рот с пожизненным содержанием, большего не требуется.

От этой мысли стало немного легче. Завтра он собирался выдвинуться на корабле к берегам Аранты. Можно было бы и порталом, но много чести, и потом, ему необходимо остыть перед тем, как обзавестись… женой.

* * *

Очередной день, повседневные дела и заботы. Ничего нового или выдающегося уже очень давно не происходило в ее мире. Иногда она думала о том, что с ней произошло. Казалось бы, живя в Аире, она была похожа на яркую экзотическую птичку с прекрасными, начищенными до блеска перышками, всегда сытая, ни в чем не нуждающаяся. Только вот птичка эта носила прекрасную невесомую ажурную цепочку, так что и помыслить не могла о том, чтобы взлететь. Сейчас же, надевая свое простое кимоно, сшитое собственными руками, она напоминала себе невзрачную серую курицу. Не было ни прежнего лоска в ее перьях, ни ажурной цепочки, которая с каждым смелым шагом стягивалась бы на ее шее. И, несмотря на то что летать она по-прежнему не могла, Йолинь ощущала себя странно счастливой. Не то чтобы она испытывала эйфорию от своей жизни на Севере и условий,

в которых ей приходилось жить. Но то чувство мира с самой собой, которое порой проскальзывало у нее внутри, значило для нее очень много. Правда, оно улетучивалось, стоило вспомнить о том, что она сделала.

Жизнь отшельника позволяет докопаться в собственном сознании до таких глубин, о которых раньше и не подозревал. Так девушка относительно недавно поняла, что в крови ее руки оказались очень давно. Из-за собственного эгоизма и дурости она обрекла на смерть свою первую любовь. Из-за нее, а не ее отца, как она привыкла думать, был казнен тот стражник. Ее безответственность привела к этому. А ведь если подумать, разве хоть раз дал он ей понять, что ее чувство взаимно? У него была своя жизнь, близкие люди, возможно, он любил кого-то, а она отняла это своим идиотским письмом.

– Любовь не для таких, как ты, – раздраженно фыркнула она, ссыпая золу, что извлекла из недр печи, в неглубокое жестяное ведро. Направляясь к выходу из дома, она раздраженно заправила выбившиеся пряди за ухо, задев при этом грязной от золы рукой щеку. – Ну ни дать ни взять придворная дама, – усмехнулась она, выходя на улицу.

День оказался на удивление погожим. Робкое весеннее солнышко Аранты нежно пригревало, пробуждая северные травы ото сна. Аккуратно зеленели луга, словно боясь, что вернется зима и накроет их вновь толстым ледяным одеялом. Впервые за долгое время с моря потянул теплый ветер,

озорно путаясь в волосах принцессы, словно призывая ее поиграть с ним. Не сразу Йолинь заметила группу всадников, двигающихся в сторону ее дома. И уж тем более не сразу подумала, что они направляются именно к ней. В конце концов, кто может приехать к ней? Дэй? Так она, наверное, не в том положении сейчас, чтобы скакать на огромном черном мерине так, словно у того земля под ногами горит.

Вслед за всадником на черном коне появилась небольшая группа, так же на лошадях. Вот только ни у кого из них не было совершенно белых волос, которые развевались бы на ветру, словно снежный вихрь. Уже совсем скоро Йолинь поняла, кого к ней привела судьба. Вот только встречу она не смогла бы назвать радостной и долгожданной. Северянина она узнала практически сразу. Она помнила его. Рик, кажется, так звали Властителя, что два года назад приехал вместе с остальными забрать ее из Аира. Два жалких года прошло, а она будто прожила целую жизнь. Столько всего произошло с тех пор. И от нее прежней остался лишь жалкий призрак, что никак не может развеяться в лоскутках памяти.

Девушка аккуратно поставила ведро с золой на ступени крыльца и спустилась вниз. Еще два года назад она не решилась бы выйти из комнаты не одетой по всем правилам, с просто убранными волосами, в неподобающей статусу обуви. Кто-то скажет, разве можно судить по одежде о том, как изменился человек? Аирец всегда знает, что одежда любого из них отражение всей прожитой жизни: статуса, настроения,

семейного положения, финансового благополучия. Только вот она больше не понимала смысла во всем этом. Как-то неожиданно быстро ее мир перевернулся, и все, что казалось впитанным в саму ее суть с молоком матери, потеряло значение. Вот только не все уходит бесследно: даже если теряется все напускное, остается стержень. Йолинь рефлекторно выпрямилась, расправив плечи. В ее осанке появился поистине царственный апломб. Взгляд вместо того, чтобы стать кротким, стал прямым и открытым. Она больше не боялась. Она больше не та, кто держит нож за спиной. Теперь ей не страшно открыто смотреть на жизнь. Страх потерял всякий смысл.

Легкий ветерок запутался в непослушных черных прядях, выбивая их из незамысловатого пучка, заколотого двумя деревянными палочками, и раскидал по плечам. В то время как Рик, ничуть не успокоившийся после двухнедельного путешествия, с трудом пытался осознать увиденное. Он помнил ее в день первой встречи, когда нежное белоснежное шелковое кимоно обнимало хрупкую фигурку. Темные волосы, сложенные в причудливую, невообразимую прическу, украшенную цветами. Непроницаемое, словно принадлежащее фарфоровой кукле, лицо. И сейчас он оказался на скалистом берегу Аранты, где несколько десятилетий стоял пустым и заброшенным просто сложенный дом из серого камня. Когда-то там жил смотритель горизонта, который помогал давно ушедшим в плавание кораблям найти путь домой. Сейчас

он видел перед собой принцессу, что тревожно всматривалась в его сторону. Вот только от принцессы в девушке мало что осталось таким, как он помнил. Если опустить тот момент, что одежда на ней мало чем была похожа на положенную по статусу, не вспоминать о том, что принцессы не живут в таких вот чудом уцелевших сараях на краю обрыва и не ходят с измазанным в саже лицом. Даже учитывая все это, он с трудом мог узнать эту женщину. Казалось, она похудела, хотя куда уж больше?! И сперва Рик даже испытал какое-то странное, неправдоподобное желание снять свой плащ, укутать ее в него и согреть, словно промокшего насквозь котенка. Такой маленькой, несоизмеримо жалкой показалась она ему в тот момент. Показалась… пока он не встретился с ней взглядом. На него смотрели холодные, словно вымороженные изнутри, карие глаза. Ни толики эмоции на лице, ни страха, ни радости.

«Глаза убийцы, – вспомнил он как раз вовремя, чтобы не поддаться порыву. – Она враг – предатель! И будущая жена…» Горькая мысль о предстоящем всколыхнула ту бурю эмоций, что на краткий миг словно задремала внутри. И только сейчас ему показалось, будто девушка как-то болезненно вздохнула.

– Что привело тебя в мой дом? – сквозь зубы спросила она на его родном языке.

– Стоит поговорить об этом внутри, – в тон ей ответил он.

Войдя в дом, северянин с нескрываемым интересом рас-

сматривал обстановку, в которой все это время жила принцесса. Просто сложенная печь в самом центре, которую, по всей видимости, совсем недавно побелили. Рядом у стены широкая лавка-кровать, низкий столик с письменными принадлежностями у противоположного окна. Из мебели было еще несколько табуретов и огромных размеров деревянный сундук. И, несмотря на то что здесь царил безукоризненный порядок, все выглядело каким-то обветшалым. Если бы Рик не знал, что тут живет принцесса Аира, то смело бы сказал, что дом принадлежит какому-то бедному, но весьма чистоплотному хозяину.

– Вам, должно быть, интересно, зачем я прибыл? – начал разговор северянин, заметив, что принцесса и не думает проявлять любопытство и о чем-либо спрашивать. Женщина безразлично смотрела куда-то ему за спину, и он не сразу понял, что смотрит она в окно.

– Должно быть, – скупо кивнула она, не отводя взгляда.

– Что ж, я скажу прямо, – неожиданно мужчине стало неловко и неприятно находиться рядом с девушкой. Казалось, она с трудом терпит его присутствие. И даже если этого нельзя было сказать по выражению ее лица, это словно витало в самой атмосфере помещения. – Совет постановил, что пришло время исполнить обязательства, данные вашему отцу, – на одном дыхании произнес Рик.

Ему показалось, или на краткий миг глаза женщины широко распахнулись, не в силах скрыть охвативший ее ужас?

– Вот как? – слегка изогнув бровь, сказала она.

– Да, вот так. И нам предстоит сочетаться узами брака.

Всего секунда, и, будто дикая птица, она, хищно прищурившись, обернулась в его сторону.

Тишина, повисшая в этот момент в доме, казалась осязаемо тяжелой. Но к чести принцессы, ни один мускул на ее лице не дрогнул. Она не кричала, не закатывала истерик, а всего лишь холодно сказала:

– Вы мой будущий муж?

Все внутри у Йолинь оборвалось вместе с произнесенными словами.

«Муж»… как он может быть ее мужем, когда сердце этого мужчины разрывается от ненависти и презрения к ней? Как они смогут жить под одной крышей, когда ей нестерпимо даже стоять рядом с ним в одной комнате?! Он смотрит на нее своими серыми глазами, а ей кажется, что ей в сердце впиваются иглы льда. Она не выживет рядом с ним. Не сумеет жить, когда он день за днем будет окатывать ее всей бурей этих эмоций! Если бы она не чувствовала этого, если бы не было столько ненависти к ней в его сердце, возможно, она смогла бы примириться с браком, даже полюбить. Рик был статным мужчиной. Высоким и широкоплечим, снег в его волосах завораживал ее. Никогда прежде она и не видела столь белых волос. Суровые черты лица, мужественный подбородок, широкий гладкий лоб и эти потрясающие глаза, словно на самом их дне раскрылось сердце бури.

– Я уже сказал это, – холодно ответил он, и Йолинь вновь поморщилась от тех эмоций, что пропитывали каждое его слово.

Несколько секунд ей потребовалось, чтобы найти в себе силы заговорить, ничем не выдав тех чувств, что она сейчас испытывала.

– Я окажусь права, если скажу, что и вам не оставили выбора в этом вопросе?

Рик не сразу нашелся с ответом, все же не слишком хорошо говорить женщине, тем более будущей жене, что она ему неприятна. Но, с другой стороны, лучше сразу расставить все акценты в их взаимоотношениях.

– Вы проницательны.

Казалось, принцесса не была удивлена его ответом, и что поразительнее всего, это ее не оскорбило. Хотя о чем можно судить по этому каменному выражению, что, похоже, не меняется и универсально подходит под все виды эмоциональных проявлений. Не к месту воображение подкинуло картину, как спустя лет десять он будет показывать друзьям свою фамильную галерею с портретами жены и комментировать: «О, это Иола грустит, а вот тут радуется, а здесь она зла» – и ряд совершенно одинаковых полотен, где девушка будет изображена в одной позе, с неизменным выражением лица, а отличать он их будет по платьям, надетым на ней.

Картинка немного подняла настроение, зато вот принцесса едва заметно нахмурилась, разглядывая его.

– Вы… боялись, что ваш ответ разозлит меня? – спросила она, но тут же отмахнулась от этого вопроса, словно не понимала, как могла позволить себе спросить нечто подобное.

– Неважно. Тогда, раз этот брак вынужденная необходимость для нас обоих, возможно, вас устроит, если после заключения брачного союза я останусь жить здесь? И фактически мы останемся столь же чужими друг для друга, как это было прежде? – сказав последние слова, Йолинь невольно затаила дыхание в ожидании ответа, от которого, как ей казалось, зависела вся ее дальнейшая жизнь.

– Это неприемлемо, – скрепя сердце ответил Рик. – Требования Совета к соблюдению условий брачного договора, заключенного с вашим отцом, ясно дают понять, что по вступлении в брак ответственность за пребывание и проживание в нашей стране принцессы Аира переходит на супруга. Но смею заверить, ни на ваше приданое, ни на исполнение супружеского долга я не претендую. Единственное, я обязан настаивать на совместном проживании.

– Но почему? – не сумев удержаться от вопроса, спросила Йолинь, ощущая себя утопающим, у которого выдернули из рук последнюю соломинку, что еще могла удержать обреченное тело на поверхности.

– Это моя ответственность, – коротко ответил Рик. После недолгой паузы, которая вдруг повисла в комнате, он продолжил: – Нам следует обсудить детали церемонии. Я знаю, как важно для женщины торжество по случаю…

– Нет, – жестко оборвала его Йолинь. – Это не имеет значения. Я не хочу ни торжеств, ни каких-либо обязательных гуляний. Церемония и ничего более.

Странным образом Рик почувствовал себя уязвленным. Не то чтобы он был не рад такому решению женщины. Но все же, разве не он должен был с нескрываемым отвращением отбрыкиваться от брака?

А тут выходило, что он неприятен ей настолько же, если не больше, насколько и она ему. И не то чтобы его это расстраивало, но по необъяснимым причинам задевало. Йолинь же вдруг почувствовала, как та самая цепочка, невесомая, такая изящная и прекрасная, о которой она уже успела позабыть за два последних года, вдруг повисла якорной цепью на ее груди, пригвождая к земле. Дышать вдруг стало тяжело, держать маску невозмутимого спокойствия болезненно сложно, но как показать, что у тебя на душе? Все одно как обнажиться перед незнакомым мужчиной. Прежде она могла бы возмутиться… возможно. И если даже не закричать во всю силу легких, то хотя бы попытаться избежать нежеланного союза.

«Хм, однажды я так и поступила…»

И к чему это привело? Каковы были последствия для нее? Для десятков людей, которые понесли ответственность за нее? Сбежать сейчас? Куда?.. Куда! Некуда бежать. Нет ни денег, ни связей, ни друзей, ни дома, где бы ждали. Ничего нет и некуда идти. В своей стране она умерла, для своей се-

мьи – она мертва! Да и смогла бы она вновь жить во дворце Аира, если бы возникла такая возможность? Сейчас, после того, через что она прошла. Она знала ответ: нет.

Когда-то Дэй сказала ей, что покаяние не в том, чтобы отринуть мир, а чтобы его принять. Суметь ступить на верный путь и делами, а не страхом перед жизнью, изменить собственную реальность. Йолинь не была с ней согласна тогда, да и сейчас не слишком понимала, как это может сработать в ее случае. Живя в одиночестве, она была странным образом счастлива. Раны, что никак не заживали в душе, не гноились, но и не излечивались. Они просто были там. Никем и ничем не потревоженные. Это была ее зона комфорта. Она не касалась мира, он не касался ее. И все это время, словно муха, залипшая в меду, она находилась в состоянии покоя, если можно так сказать. Не развивала приобретенные способности, не пыталась их контролировать. Не старалась искупить причиненный вред, но и не пыталась вредить больше. Только вот, словно непокорный ручеек, чувство вины с каждым днем понемногу подтачивало камни ее души. Она и сама не заметила, как превратилась в трусиху, которая просто боится. Боится жить, любить, пытаться.

– Что ж, раз так, то я не хотел бы задерживаться в Аранте дольше необходимого. И если вы не желаете пышных торжеств, то мы могли бы принести свои клятвы в ближайшие дни, – на этой фразе Рик несколько замялся. Какие могут быть клятвы в их случае? Клясться в чем? В любви? В уваже-

нии? В том, что только смерть разлучит их или воля богов? Все слова теряли смысл в их случае. Все, в чем мог он поклясться, так это в том, что будет терпеть ее столько, сколько потребуется. – И подпишем необходимое соглашение для вашего отца.

Некоторое время Йолинь не могла найти в себе сил, чтобы ответить. Казалось, ее губы предательски отказывались ее слушаться. Они словно онемели, не желая произносить слов согласия. Вот сейчас она скажет одно-единственное слово, и ее жизнь взорвется многообразием боли, изменений и эмоций. Она не хотела, чтобы ее едва устоявшийся мир менялся. Не желала вновь сталкиваться с реальностью, где все знают, кто она и что сделала. Когда ты идешь по улице, а спину жалят десятки недобрых мыслей. Каждый хоть как-то, но выражает свое недовольство. Кто-то брезгует, кто-то ненавидит, кто-то презирает. Сейчас рядом с ней был только Рик, но и этого было вполне достаточно, чтобы ощутить все это в полной мере.

Глубоко вздохнув, невольно прикрыв глаза, она наконец произнесла:

– Конечно, так будет в самый раз.

На ее лице не дрогнул ни единый мускул, но вот что скрывалось под тонкой белоснежной кожей…

Рик уехал не прощаясь. Без лишних слов он вышел из дома Йолинь, оставив принцессу в таком привычном спасительном одиночестве. Усталость накатила на Иолу, стоило за

северянином негромко хлопнуть двери. Сильно захотелось спать. Или просто лежать без движения. Ничего не чувствовать, не помнить, забыть…

Йолинь проспала сутки. Казалось, что это был сон на грани жизни и смерти. Странное забытье снизошло на нее в тот день. Но вот, проснувшись от резкого стука в дверь, она кое-как выбралась из кокона одеял, в который завернулась, чтобы не топить печь, и подошла к двери.

– Кто там?

– У меня письмо, – отозвался звонкий девичий голосок.

– Сейчас, – ответила она, отодвигая давно проржавевшую щеколду и просовывая в маленькую щель приоткрытой двери руку. – Давай.

Яркое полуденное солнце на миг ослепило девушку, и она болезненно сощурилась.

– А тебя что, пчелы покусали? – простодушно заявили откуда-то снизу.

Все еще продолжая щурить глаза, Иола посмотрела на маленького гонца. Пухлая девочка лет восьми, с румянцем во всю щеку, тонкими белыми косичками, смотрела на нее огромными голубыми глазами, не скрывая своего сочувствия.

– Меня прошлым летом тоже искусали в лесу. Лицо раздуло еще похлеще, чем у тебя. Глаза только на второй день открылись.

– Сочувствую, – сказала Йолинь, представляя, как со стороны выглядела она для этого ребенка. Нечесаная, опухшая от долгого сна и похожая на пугало куда больше, чем на заморскую принцессу.

– Взаимно, – деловито кивнула девчушка, просовывая в образовавшуюся щель туго свернутый свиток. – Это тебе, наверное? Сказали сюда снести.

– От кого? – спросила принцесса, принимая послание и выуживая из рукава маленькую монетку для девочки.

– Рикхард Властитель Грозового Перевала. От него вроде как.

Спровадив словоохотливую девчушку, Йолинь распечатала свиток, чтобы прочитать всего несколько слов: «Завтра в полдень мои люди доставят Вас в Дом Совета».

«Доставят Вас» – эта фраза зацепила ее более всего. Не то чтобы она не понимала своего положения, но, боги, как ей надоело, что ее «доставляют» из одного места в другое. Оказывается, спустя два года это все так же неприятно, как и прежде.

Досадливо швырнув послание в приоткрытую печь, Йолинь вышла во двор. Склонившись над небольшим тазиком для умывания, она уже опустила кисти рук, чтобы зачерпнуть воду и умыться, как ее взгляд зацепился за женщину, что смотрела на нее с водной поверхности.

– Бог ты мой, во что же я превратилась… – ошарашенно пробормотала она, рассматривая колтун, что образовался

вместо волос после долгого сна, отечные веки, тусклые безжизненные глаза. – Кто это? – очень тихо прошептала она, смотря, как отражающаяся в воде женщина удивленно вздергивает бровь. Этой тетке было лет пятьдесят, она прожила долгую несчастную жизнь, ее бил муж и ненавидела родня. Это не может быть она! – Я? – пискнула она.

Когда у женщины в отражении странно увлажнился взгляд, а по щеке заструилась крошечная слеза, Йолинь все еще не сразу поняла, что это она плачет. Дрожащей рукой она сняла эту одинокую слезинку со щеки, поднесла к глазам, понюхала, а потом не удержалась и попробовала кончиком языка.

– Правда соленые, – пробормотала она. – Надо же…

И тут же решительно зачерпнула в ладони ледяную воду, раз и навсегда смывая с лица… слезы. Она и забыла, когда последний раз позволяла себе подобную роскошь, как слезы. Боги, ведь плачут только дети?! А тут принцесса…

«Именно, принцесса! – резко выпрямившись, она решительным шагом направилась в дом. – Хватит! Хватит так жить! Не хочу больше!»

С небывалой для себя яростью Йолинь втащила в дом тяжелую бадью, в которой могла помыться целиком, затопила печь и начала греть воду. Распахнула массивный сундук, выуживая из самых его недр чудом сохранившиеся благовония и масла, что привезла с собой из дома, лосьоны, крема, порошки для волос. Подготавливать все самостоятельно было

тяжело и непривычно, но она должна была с этим справиться. Разумеется, она не провела два года жизни не моясь и не следя за собой. Но некоторые процедуры просто отбросила, как ненужные и необязательные.

– И вот к чему это привело! – почти прорычала она. – Хватит уже! Даже дети смотрят на меня как на болезную и жалкую! Еще не хватало, чтобы к сочувствию тех, кто не знает, прибавилась ненависть ведающих.

До самого вечера Йолинь занималась собственным телом и внешним видом. Нет, она не старалась ради жениха. И в мыслях у нее не было, что такая, как она, сможет понравиться ему, и он поменяет о ней свое мнение. Ведь Рик точно знал, что за гниль у нее внутри. И если с виду красивое наливное яблоко разрезать и показать покупателю, что внутри оно все коричневое и вот-вот начнет гнить, разве удастся смутить его, соединив две красивые половинки вновь? У нее и раньше была лишь кожура, а теперь и она пожухла и поблекла. Впервые за долгие годы она делала это для себя. Потому что, оказывается, еще жива была у нее в душе такая черта, как достоинство. Ее могли ненавидеть, но не считать жалкой. Жалкой Йолинь не была никогда!

Как оказалось, провести все косметические процедуры по канонам Аира было на порядок сложнее, чем помыть пол, убрать дом, привести в порядок двор, приготовить еду и натопить печь. А ведь раньше она делала такое каждый день! Правда, помогали ей в этом десятки слуг. Наложив маску на

волосы из толченых водорослей и сбора аирских трав, маску на основе желтка и меда на лицо, крем, привезенный из дома, на тело, Иола накинула простой белый халат на плечи, полы которого волочились за ней по полу, и подошла к зеркалу. Отражение вызывающе смотрело на нее черными провалами вместо глаз на белом лице, синие волосы, казалось, застыли под слоем маски.

– Может, так и пойти на церемонию? – монотонно буркнула она, не в силах открыть рот.

Достав из маленького мешочка, на котором была вышита прекрасная голубая бабочка, пьющая нектар с нежно-розового цветка, небольшой футляр с иглами, Йолинь извлекла несколько тонких длинных иголочек с особыми наконечниками. Проведя ряд манипуляций с этими самыми наконечниками, она подожгла их. Ушко иголочки только начинало дымиться, когда она ловко втыкала каждую в особую точку, и так по всему телу. Жалко, до спины не дотянуться…

Когда на землю опустились сумерки, Йолинь была похожа на дымящееся, утыканное иглами умертвие. Но красота по-аирски требовала жертв.

Тем временем и Рик не желал пускать все на самотек. Отправив послание принцессе, подумав немного, он отрядил двух человек для слежки за ней. Зная натуру этой женщины, он бы не удивился, если бы она решила по-тихому ускользнуть от вынужденного замужества. И Рик вовсе не горел же-

ланием бегать по стране в поисках пропажи по твердому наставлению Совета. Желание было одно: поскорее покончить с этим и вернуться к делам.

Саймон и Беррок, два могучих рослых северянина, а также братья-близнецы, уже в сумерках добрались до дома, что занимала Йолинь.

– Вроде свет горит, – буркнул Саймон, спешиваясь с лошади и привязывая кобылу к дереву, что одиноко притулилось чуть вдали от дома Йолинь.

– И что? – возразил всегда подозрительный Беррок. – Она могла сделать видимость своего присутствия, а сама просто убежать.

– Да брось, – фыркнул младший брат. На несколько минут, но все же младший. – Одна баба организует побег за жалкие сутки?

– Кто ее знает, – отмахнулся мужчина, сощурив небесно-голубые волчьи глаза. – Организовала же нападения так, что все чуть не передохли?

– Это да, – вынужденно согласился Саймон. – Надо бы проверить.

Брат коротко кивнул, собирая черные волосы в узел на затылке. Саймон и Беррок были высокими даже по меркам северян, но в то же время их рост не делал их неуклюжими. Два брата двигались в ночи бесшумно, и даже оружие не выдавало их присутствия металлическим перезвоном. Первым дома принцессы достиг Беррок. И не говоря ни единого слова,

прильнул к окну, чтобы уже спустя несколько секунд отскочить от него в сторону и распластаться вдоль каменной стены. Мужчина лишь открывал рот в беззвучном крике, глаза его бешено вращались, и, казалось, он просто-напросто забыл, как говорить.

– Что? – одними губами спросил не на шутку встревоженный брат. – Совсем рехнулся? – покрутив пальцем у виска, поинтересовался Саймон, вставая на место брата и всматриваясь в то, что вывело из равновесия его вечно невозмутимого братца. – Бог ты мой, – со свистом вырвалось изо рта северянина против его воли.

Перед его взглядом развернулась следующая сцена: в призрачном свете горящих свечей женщина, похожая на тростинку, укутанная в широкое белое нечто, с синими волосами, застывшими, словно они были высечены из камня, подошла к широкой деревянной постели. Странная дымовая завеса окутывала хрупкую фигурку, когда же она повернулась, чтобы лечь, Саймон забыл, как дышать. На белоснежном лице, утыканном иглами, зияли два черных провала вместо глаз. Иглы дымились, а женщина даже не кричала! Ее лицо казалось непроницаемым, мертвым!

– Бог ты мой, – вновь повторил Саймон, осеняя свой лоб защитной руной. Сердце северянина пропустило удар, когда темные провалы взглянули прямо на него. Но нет, вроде просто померещилось.

– Что это?! – яростно прошептал Беррок, не скрывая ужа-

са во взгляде и все так же не в силах оторваться от стены.

Саймон молчал, не находя в себе сил на ответ, хотя оторваться от окна он тоже не мог. Ноги не слушались.

– Может, ее укусили? Может, она восстала?!

Саймон лишь судорожно затряс головой.

– Услышала бы нас… уже сожрала бы, – одними губами прошептал он.

Тем временем женщина осторожно улеглась на постель, вытянула руки, в которые, как оказалось, тоже были воткнуты дымящиеся иглы, закрыла глаза… и все. Она лежала не двигаясь и будто едва дыша. Густой сизый дым окутывал ее фигуру, но женщина никак не реагировала.

– Может, она решила умереть? – предположил Беррок, к тому времени оправившийся от шока, и так же, как и брат, прильнул к окошку.

Саймон лишь невнятно пожал плечами.

– Может, нам зайти и проверить?

Это предложение брат уже стерпеть не мог.

– Что тебе неймется? Нас зачем послали? Проследить, чтобы не убежала! Вот сиди и следи! Я туда не пойду, хочешь, сам и иди!

– Да ладно тебе, я всего лишь предложил, – пошел на попятный Беррок, вовсе не желая быть тем, кто пойдет проверять, жива ли принцесса.

Казалось, прошло часа три, но в доме больше ничего не происходило. Мужчины немного расслабились, первичный

страх прошел, и они уже не так пристально наблюдали за тем, как принцесса лежит без движения на деревянной лавке. Сейчас за Иолой присматривал Саймон, в то время как Беррок, решив, что ожидание может несколько растянуться, присел у стены и, вытянув ноги, дремал.

Но вот принцесса зашевелилась, и Саймон резко пнул брата в бедро.

– Двигается, – одними губами прошептал он.

Йолинь пролежала с иглами несколько часов, этого должно быть достаточно для полноценного эффекта. Смеси в иглах уже прогорели, потому можно было их снимать и смывать с себя все маски. Аккуратно вынимая иглу за иглой, Йолинь наслаждалась полученным эффектом. Тело словно налилось изнутри жизненной силой и энергией. Она чувствовала себя полностью отдохнувшей и расслабленной.

Сняв последнюю иголку, она подошла к полной воды бадье и приспустила халат на плечах. Саймон поспешно отвернулся, в то время как Беррок и не подумал отвести взгляд.

– Обалдел? – зашипел мужчина на брата.

– А что? – отстраненно пробормотал тот, не отрываясь от обнажающейся женщины.

– Я всего лишь смотрю…

– На чужую женщину, между прочим, – раздраженно пробурчал брат.

– Ну, пока еще не чужую…

Тем временем стоявшая к ним спиной принцесса ополос-

нула лицо, смывая успевшую застыть маску, и обернулась к окну вполоборота.

– Я думаю, вы достаточно уже видели, – жестко чеканя слова, обратилась она к тем, что полагали, будто их присутствие осталось для нее тайной. – Теперь же я желаю остаться без свидетелей.

– Что… – ошарашенно пробормотал Беррок, отлично расслышав каждое произнесенное слово.

– Вон пошли, – еще жестче произнесла женщина, прекрасно улавливая эмоции, исходившие от наблюдателей.

Она не видела, как двое северян попятились от ее дома еще более бесшумно, чем подходили сначала. Но чувствовала, как отстраняются эмоции, что они испытывали сейчас. По большей части это было глубокое удивление, любопытство и неверие, что их застукали. Она же почувствовала их с самого начала. Но неизвестно, что было бы глупее, спрятаться от пришельцев в каком-нибудь темном углу или начать возмущаться, что будущий супруг прислал слежку? Когда же ее вид так напугал двух взрослых мужчин, а она действительно считала, что наблюдателями могли быть именно мужчины, то, пожалуй, она впервые за несколько лет так искренне развеселилась, что прерывать спектакль раньше было выше ее сил! Жалко, маска на лице к тому времени уже застыла, было бы неплохо вспомнить, каково это – посмеяться от души…

Йолинь за эти два года научилась неплохо разбираться, на

каком конкретно расстоянии находится живое существо. И когда она наконец ощутила себя в привычной зоне комфорта, легкая улыбка заскользила по изящным губам. Вырвался несмелый смешок, еще один, потом она захохотала так, что буквально не находила в себе сил дышать.

– Уууу, – кое-как выдохнула принцесса, с головой погружаясь в воду.

* * *

Йолинь проснулась на рассвете. Во-первых, она уже достаточно отдохнула за последние два дня, во-вторых, ей предстояло одеться, причесаться и в общем и целом привести себя в порядок, как того требовали ее собственные понятия о приличии. Сделать все это в полном одиночестве! Это северянки могли накинуть простую удобную одежду – и готово. У нее же не было ни одного наряда, соответствующего случаю и сшитого по канонам Севера. Потому, оставшиеся пять часов до того, как ей придется отправиться в Дом Совета, пролетели как несколько секунд, за которые она успела дойти до крайней степени отчаяния, всерьез подумать о том, чтобы отрезать волосы и выкинуть куда подальше всю традиционную одежду.

Она придирчиво рассматривала свое отражение в зеркале и находила его… ммм… подобающим. Нежно-голубое кимоно, расшитое серебряными и изумрудными нитями, стру-

илось по изящной фигуре, словно вода. Пусть цвета не подходили к свадебной церемонии, но кто об этом узнает, кроме нее самой? Это кимоно всегда ей нравилось, вот только повода надеть никак не представлялось. Вода изменчива, она свободна, она может измениться и стать непостоянной. Несколько легкомысленное заявление при дворе, а тут вроде как сойдет. Легкие витые гребни из тончайшего серебряного плетения, украшенные изумрудами и сапфирами, завершали образ, делая ее похожей на невесомое воздушное создание. Коротко кивнув самой себе, Йолинь проверила, все ли вещи собраны, не забыла ли она чего-нибудь в этой суматохе. Хотя она прекрасно знала, что нет. Принцесса была готова от и до, но ожидание убивало. Лучше не думать об этом и не ждать.

Не было ни пышной процессии, ни встречающих ее горожан, ни цветков экуры в ее волосах. За ней приехал скромный экипаж, запряженный двумя гнедыми лошадьми и сопровождаемый четырьмя всадниками. Скоро погрузили ее вещи и ее саму и как-то по обыденному просто доставили туда, где она должна была вступить в брачный союз с Рикхардом, светловолосым мрачным северянином, Властителем Грозового Перевала, чужим и холодным мужчиной, который презирал ее куда больше, чем ненавидел. Только она больше не убегала, не пыталась избежать судьбы, что уготовили ей боги на небесах. Сейчас она не считала себя вправе что-либо менять, полагая, что она заслужила это наказание. Единственное, о чем она продолжала просить для себя у Всевыш-

него Бога Солнца, так это сохранить достоинство до самого конца.

Рикхард встречал свою будущую жену у самого входа в Дом Совета. Когда Йолинь вышла из экипажа, весенний ветерок всколыхнул легчайшие складки ее одеяния, солнышко отразилось и засияло в изящных серебряных узорах. На миг его будущая супруга предстала перед ним, словно навеянное ветром и солнцем видение, которое вот-вот растворится и просто исчезнет. Такая хрупкая, до боли ранимая, вот только он точно знал, насколько ложно это первое впечатление. Особенно остро он это осознал, взглянув в ее холодные, совершенно невыразительные глаза. Опять это раздражающее безэмоциональное выражение на лице, совершенно нечитаемая мимика и походка фарфоровой куклы. Странно, но два дня назад она казалась куда более живой, чем сейчас. С лицом в саже, в простой одежде, плохо причесанная, она хотя бы была похожа на человека, а не на сказочную принцессу, готовую вот-вот раствориться в утренних солнечных лучах.

– Вы сегодня очень красивы, – отпустив весьма корявый комплимент, Рик протянул руку принцессе.

– Вы весьма галантны сегодня, – ответила Йолинь, отпуская столь же грубую похвалу, оставляя протянутую ей руку без внимания.

На самом деле, каждый из них сейчас оскорбил другого… Йолинь не приняла предложенную ладонь, показав тем самым, что не нуждается в Рике. Ведь она не приняла ладонь

жениха. Рик предложил ей коснуться себя, что верх вульгарности делать прилюдно незамужней женщине Аира. Собственно, вот такие недопонимания порой приводят впоследствии к глубоким обидам. Жаль только, ни он, ни она о таких вещах не думали, а воспринимали происходящее каждый со своей колокольни.

– Что ж, пойдемте, ни к чему тянуть, – сказал Рик, раздраженно отступая к высоким дверям и приоткрывая их, пропуская Йолинь вперед.

Девушка поджала губы, но возражать не стала. Что ж, раз ей предстоит идти впереди, как прислуге, она пойдет. Она вновь шла по искрящимся, словно высеченным из снега, коридорам. Не было видно ни подсвечников с горящими в них свечами, ни факелов, стены будто бы излучали свой особый внутренний свет. Рик держался рядом с ней и был сильно взвинчен. Ему не терпелось покончить с этим делом и вернуться домой. Два дня назад окраинной деревне его земель пришлось несладко, отражая нападения Измененных. Судя по донесениям, были убитые и раненые, которых добивали уже свои. Люди не могли вызвать Дайли или Тэо без его помощи, время было упущено, жертвы были неизбежны. Йолинь не знала о произошедшем, но исходящие волны раздражения от Рика чувствовала хорошо. И сильно подозревала, судя по нервному, постоянно ускоряющемуся шагу северянина: его раздражало то, что принцесса слишком медлительна. Это задевало. У нее не получилось бы идти быстрее, да-

же если бы она очень сильно захотела. Но Иола постаралась и тут же запнулась о складку кимоно, едва не растянувшись на полу.

– Аккуратней, – крепкие мужские руки вовремя уберегли ее от столь постыдного падения.

Сильно смутившись и уловив новую волну раздражения, девушка потупила взор и решила думать о чем угодно, только не о человеке, что шел сейчас с ней рядом.

Скоро они вошли в зал, где совсем недавно пытались выбрать суженого для заморской принцессы. Она помнила тот день очень хорошо. Тот страх и желание, чтобы острый клинок глубоко вогнали ей в горло. Пугающая желанная мысль, чтобы все это закончилось! И совершенно неожиданная развязка того дня, когда избранной оказалась Дай Ли… Как она там? Родила ли уже? Йолинь давно не получала от нее письма и сильно переживала, как проходит беременность. Ей очень хотелось бы увидеть тех малышей, что ждала ее подруга. Правда, ей пару раз снились совершенно необыкновенные красочные сны, в которых Дэй навещала ее. Они подолгу разговаривали тогда, Йолинь делилась с Дэй своей болью, Дэй же давала ей нечто иное взамен, которое оставалось с принцессой и после пробуждения: любовь, понимание, поддержку. Эти сны были важны для девушки, пусть даже и были всего лишь плодом ее воображения.

Огромные, монументальные скульптуры трех Властителей, расположенные в разных концах зала, все так же стоя-

ли, скрестив гигантские мечи над Сердцем Севера. Рядом с самим алтарем сейчас было трое Властителей: двое светловолосых, Ерд и Адаль, и темноволосый мужчина с глазами цвета ночи, кажется, Джодок. Мужчины явно ожидали прихода брачующихся и сейчас занимались последними приготовлениями. В руках Джодока мелькнул до боли знакомый клинок, увидев который, Рик остановился на полушаге и напрягся.

– Это еще к чему? – вздернув темную бровь, жестко спросил он, смотря в глаза Джодоку.

Йолинь лишь уловила, как целый спектр эмоций закрутился внутри старейшины, не давая ей ни малейшей возможности понять, что сейчас чувствует мужчина. Такого она еще не встречала ни у одного человека. Неужели они знают, что она может их чувствовать? Иначе как объяснить это странное жужжащее вертлявое ощущение? Именно так она описала бы то, что исходило от старейшины.

– Мы оговаривали все как формальный брак.

– Все так, – легко улыбнувшись, ответил Джодок.

– Ты меня за идиота не держи, ладно? – исподлобья взглянув на старейшин, грубо сказал Рик. Йолинь же и вовсе перестала понимать, что происходит. Только вот злость, что сейчас вдруг затлела в ее будущем супруге, била по ней, словно самая хлесткая пощечина.

– Какая тебе разница, каков будет церемониал? Разве это изменит суть? – спросил Джодок, пригвождая Рика своим

глубоким темным взором.

Рик молчал. Он не знал, как объяснить, что не желает вступать в Истинный союз с женщиной, к которой ничего не испытывает. Да, было и такое на землях Севера. После того как женщины стали смертны, а мужчины нет, появилось понятие формального брака и брака Истинного. Официально оба варианта были законны и правомерны, но Истинный союз выбирали те, кто действительно не мог жить без своей половины. Считалось, что такой брак, проведенный по всем правилам, свяжет молодых и в посмертии. Такой союз могли заключить лишь старейшины, отсюда многим было это просто не с руки. Ритуал постепенно превращался в лик прошлого их народа, все реже мужчины вступали в союз по всем правилам предков. Мало кто из ныне живущих вообще знал, что несет в себе такой брак. Старейшины помнили, но делиться с Риком не собирались. Свои мысли, определенные намерения, раскрывать которые они не спешили.

Именно это ощущение, что от нее что-то утаивают, зацепилось в сознании Йолинь. Тогда она решила, что, смолчав сейчас, неизвестно с какими последствиями столкнется в будущем.

– Я хочу знать, что здесь происходит, – она спросила достаточно тихо, но нотки властности ни от кого не укрылись. Некоторые привычки в поведении не искоренить даже столетним затворничеством. Рик по-новому взглянул на женщину рядом с ним. Уж как-то не вписывалась в привычный

образ принцессы эта царственная снисходительность по отношению к старейшинам их земель.

Джодок легко улыбнулся, не выказав неудовольствия от тона, которым к нему обратились, и ответил.

– Мы всего лишь хотим провести обряд по традициям нашего народа.

Йолинь прищурилась, пытаясь уловить толику лжи в его словах. Но ее не было. Он сказал правду. Так в чем подвох?

– И чем обернется этот обряд для меня?

Рик негромко фыркнул. Эта женщина, как всегда, в своем репертуаре: «чем обернется для МЕНЯ». Ну, конечно, кроме нее-то, это вообще никого не касается.

– Уверяю вас, принцесса, ничего ужасного в том нет. Мы всего лишь утвердим ваш союз как Истинный.

– К чему это? – спросила принцесса, понимая, что все, что ей говорят, не что иное, как набор ничего не значащих фраз.

К слову сказать, Рик думал так же, но сейчас он наблюдал за женщиной, ее реакциями и едва уловимой мимикой. Он знал, что Совет Властителей, куда входили самые древние из них, допрашивать бесполезно. Они не расскажут ничего, что не пожелают сказать. И все, что считали необходимым, уже озвучили.

– А почему бы нет? – изогнув светлую бровь, спросил Адаль. – Считайте это знаком уважения к вашему народу.

Ни один мускул не дрогнул на лице Йолинь, в то время как взгляд стал прожигающе ледяным.

– Я не двинусь с этого места прежде, чем мне не разъяснят все особенности данной церемонии и ее последствия. И поскольку данный вопрос не был оговорен в моем брачном соглашении, я имею право отказаться от такого рода обряда.

О да, она внимательно изучила все пункты договора, который заключил ее отец, и уступать не намеревалась. Такое поведение было неслыханной наглостью для женщины Аира, но именно так она себя чувствовала всю свою жизнь. Рожденная иной, выросшая в клетке с заклеенным ртом и связанная по рукам и ногам, когда внутри все кричало о том, что и у нее есть право! Право быть той, кем она хочет! Что она ничуть не хуже своих братьев-идиотов, пьяниц и бабников, но имеющих все права в стране, где были рождены.

Джодок глубоко вздохнул, выражая тем самым сожаление, что ему приходится говорить следующие слова.

– Ваше право, принцесса, умерло в землях Умира вместе с десятками людей, что остались там навсегда. Оно осталось на корабле, что должен был вас доставить в Аранту вместе с погибшими моряками, – он говорил тихо и спокойно, но каждое его слово тупой болью взрывалось у принцессы где-то на уровне солнечного сплетения. – И сейчас все, что вы еще вправе сделать в нашей стране, так это подчиниться требованиям Совета. Стоит ли мне заметить, что ничего равноценного тому, что сделали вы, мы не просим?

Она смотрела на темноволосого Властителя и понимала, что ей нечем дышать. Нет сил, чтобы открыть рот и воз-

разить, нет таких слов, которые подошли бы теперь той, кем она стала. Стерпеть? Смолчать? Она всю жизнь делала это, когда не была виновата. Сейчас Йолинь признавала всю правоту слов Властителя, что стоял перед ней, и от этого было еще горше.

– Вы правы, – наконец совладав с собственным голосом, заговорила принцесса, прямо встретив взгляд Джодока. – В том, что произошло, виновата я.

– Ну, тогда…

– Я еще не закончила, – жестко перебила она мужчину. – Сейчас я нахожусь в полной зависимости от вас и Совета, но это не означает, что я не имею права знать, что вы уготовили для меня. И, я повторюсь, не услышав ответа, я не сдвинусь и с места.

– Это и не обязательно, – легко отозвался Ерд, забирая из рук Джодока острый клинок.

– Можете оставаться, где стоите, – решительно направившись в сторону принцессы, Ерд никак не ожидал, что на его пути вырастет неожиданное препятствие в виде Рика. Темные брови северянина сошлись на переносице, сам его облик буквально предупреждал об опасности.

– Притормози, – зло рыкнул он в лицо старейшины. – Может быть, она в ваших глазах и бесправная должница Севера, но я-то, увы и ах, никак под данное описание не подхожу.

– Нет, – согласно кивнул Джодок, – но ведь ты прекрасно осведомлен, что данный обряд не несет в себе ничего, что

навредило бы вам.

– Разве? – изогнув бровь, спросил Рик, имея в виду то, что далеко не все хроники об обычаях, давно ушедших в прошлое, находились в зоне досягаемости каждого Властителя, желающего с ними ознакомиться. Во всяком случае, он такое предполагал. Кроме того, ему претила сама мысль о заключении такого союза с женщиной, к которой он относился… эм, никак, если не сказать более грубо.

– Безусловно, – кивнул Адаль. – Если тебе недостаточно наших уверений, мы готовы поклясться над Сердцем. Такая клятва успокоит тебя?

Одно Рик понял в этот момент очень хорошо: сколько бы он ни продолжал этот спор, итог будет один. Каждый из Властителей принял соглашение, по которому, какая ирония, обязан был вступить в брак с принцессой Аира, если такое решение будет озвучено Советом. И он принял такие условия, правда, тогда все считали, что воля Совета и воля Сердца Севера едины. Какая неожиданность, что это не всегда так?!

Легкая улыбка заскользила на губах Рика. Давненько его так не разводили, если говорить откровенно. Но клятвы озвучены не одно десятилетие назад, все соглашения приняты, и теперь, по всей видимости, отвечать за пространные формулировки предстояло ему.

Он в последний раз взглянул на женщину, что молчаливо стояла рядом с ним. В какой-то момент он представил, как

бы чувствовал себя на ее месте? Как повела бы себя нормальная женщина в таких условиях? Слова, сказанные ей Джодоком, хоть и были заслужены, но не могли бы не задеть. Обида, слезы, истерика, хоть что-нибудь? Но нет, она держится так, словно делает им всем одолжение. Как если бы все собравшиеся были вторым сортом, на который ее высочество не разменивается.

«Ледяное сердце», – подумал он и сказал:

– Давайте покончим с этим наконец.

Йолинь и охнуть не успела, как ее запястье оказалось в стальной хватке Ерда. Она не пыталась сопротивляться или кричать. Это было бы слишком унизительно, и такого она позволить себе не могла. Раз все решено, раз так сложилось, что она вновь всего лишь разменная монета в раскладе чьих-то интересов, пусть будет так, но она по крайней мере сохранит лицо.

Ее белоснежное запястье в огромной лапе северянина казалось необычайно хрупким. Будто надави он хоть немножечко сильнее, и девичья ладонь рассыплется на тысячи невесомых песчинок. Но сдавливать Ерд и не собирался. Он всего лишь поднес тонкий, словно спица, клинок к прозрачной коже принцессы и слегка надавил. Прикрыв глаза, он заговорил что-то на древнем незнакомом языке, произнося каждую фразу нараспев. Казалось, он не повышал голоса при этом, но непонятным образом слова возносились к своду зала, создавая странный гул и набирая мощь, заставляя все во-

круг вибрировать от той силы, которая напитывала их.

Алая капля выступила на запястье и задрожала, впитывая слова заклятия. Она не покатилась по ладони, а побежала вверх по лезвию клинка, будто презирая все законы притяжения. Ерд тут же отошел от принцессы, унося клинок с собой и занося его над глянцево-черной поверхностью алтаря. Едва слышно прошептав слова, которых Йолинь не понимала, но от которых каменная поверхность словно пришла в движение и превратилась в густую черную жидкость. Капля ее крови, что до этого момента будто приклеилась к лезвию, налилась алой тяжестью и упала точно в центр алтаря. От принцессы укрылось, как те же самые манипуляции провел Адаль с Риком, и вторая капля крови северянина упала следом. Все, что она могла сейчас видеть, так это поверхность, которая, приняв кровавые жертвы, тут же пришла в волнение. Мириады серебряно-голубых искр вспыхнули в едином порыве, затмевая густую черноту, и тут же погасли. Лишь две крошечные искры оторвались от поверхности алтаря, будто их подхватил невидимый вихрь и закружил в странном танце над поверхностью. Песнь Властителей давно оборвалась, но гул в зале продолжал стоять такой, что у Йолинь закладывало уши. И в то же время девушка не могла оторвать свой взор от творимого волшебства. Искры притягивали ее, казалось, они звали, манили, обещали. Так хотелось подойти, протянуть руку и поймать хотя бы одну. Именно в этот момент Йолинь поняла, что уже давно подняла ру-

ку, которую еще мгновение назад надрезал Ерд, и ждет… Чего?

Ответом на эту мысль было то, что одна из маленьких искорок оторвалась от своей «подруги» и быстрее, чем Иола смогла бы среагировать, устремилась к ней. Она впиталась в еще открытый порез, растворившись в теле принцессы, будто ее никогда и не существовало. Вот только Йолинь думать об этом уже не могла. В ее теле разразилась настоящая огненная буря. Боль скрутила, заставляя согнуться и безвольно упасть на пол. В то же время до затуманенного сознания доносились голоса и чьи-то торопливые шаги.

– Что с ней?!

Это, кажется, Рик.

– Ничего страшного, небольшой побочный эффект.

Джодок. Спокоен.

Чьи-то сильные руки отрывают ее от пола, словно пушинку.

– Что за чушь? Какой на хрен эффект?! Со мной все нормально! – раздается над самым ухом. Кажется, с пола ее поднял именно Рик, иначе откуда она может слышать его голос так близко? А его эмоции прорываются даже сквозь боль, что продолжает выжигать ее вены.

– Ну, она же не северянка, так что может быть всякое, – безразлично отозвался Адаль.

– Это еще что за бред! – рычащие нотки не могут скрыться в звенящей стали голоса мужчины.

Не выдержав очередного спазма, скрутившего тело, Йолинь, сама не понимая того, уткнулась носом под мышку северянину и жалобно заскулила.

– Вы эту хрень устроили и долго еще собираетесь стоять как ни в чем не бывало?

– Все прошло хорошо, ты же почувствовал, как сила благословила вас.

– О, смею тебя заверить, – зло сплюнул в ответ Рик. – Но эта же сила сбила с ног и мою супругу!

Сознание плыло. С каждой секундой ей становилось все сложнее воспринимать происходящее. Мир сжался до побелевших костяшек ее пальцев, с силой удерживавших ворот рубашки Рика, и боли, которая вытеснила собой все, что всего мгновение назад казалось реальным. Йолинь сжала зубы и старалась не кричать, получалось плохо. Слишком горячо внутри, будто кипяток растекся по венам. И так адски холодно вокруг, что, когда пламя, ревущее внутри, соприкасается с окружающим льдом, она уже не может больше молча терпеть.

– Да что, вашу мать, происходит?! – Последнее, что слышит она прежде, чем спасительная безмятежная тьма подхватывает ее, укутывая плотным одеялом глухого забытья.

Йолинь очнулась и не сразу поняла, где находится. Вокруг было темно. Лишь молочно-белый свет полной луны заливал комнату сквозь незашторенное окно. Она лежала в по-

зе эмбриона на широкой мягкой постели. И это была не ее кровать. Поняв это, девушка резко вскочила, мгновенно пожалев об этом, поскольку голова тут же показалась тяжелой и закружилась. Принцесса обессиленно рухнула на подушку и часто задышала.

«Вот это я понимаю – свадьба!» – хмыкнула она про себя, припоминая все произошедшее на церемонии. Но самое главное, она осознала, что случившееся неправильно! С ней что-то сделали, и она не знает, что именно! И вряд ли ей станет это известно. Никто не делился с ней информацией прежде, и никто не спешил сделать это сейчас. Даже здесь, на свободолюбивом Севере, она оставалась всего лишь разменной монетой в чьих-то планах. Самое интересное, ее так называемый муж, похоже, был искренне удивлен ее реакцией на обряд. Значило ли это, что он не знал о планах старейшин или же просто не ожидал такой реакции со стороны ее организма? Ни на один из вопросов ответа не было. Единственное, чему она могла доверять, так это приобретенному дару. А он ясно говорил о том, что старейшины подозревали или же знали об изменениях, произошедших с ней, и утаивали свои истинные эмоции от нее. Так же, как и Рик, казалось, искренне негодовал и злился на предложение старейшин сочетать их такого рода союзом.

Она почувствовала, как человек, переполняемый тревогой, гневом и досадой, приближается к ее комнате, задолго до того, как тяжелая дубовая дверь приоткрылась и на поро-

ге возник силуэт высокого крепкого мужчины. Надо сказать, хорошо ей знакомого мужчины… мужа. Поскольку она знала, что совсем скоро у нее будут гости, то успела поправить волосы и одежду и аккуратно присесть на широкой постели. Встать она пока не могла.

Рик на миг замер на пороге, всматриваясь в мертвенно-бледное лицо женщины, после чего заговорил.

– Вы уже проснулись? – холодно спросил он.

Йолинь же прочувствовала этот вопрос и уловила в нем нотки раздражения и злости. На кого он злился, она не знала, но ей это было неприятно.

– Я не спала, – в тон мужчине ответила она. – Я была без сознания – это разные вещи.

– Безусловно. – И вновь неловкая пауза. – Как вы себя чувствуете? – искренней заботы и в этом вопросе не прослеживалось.

– Сносно, благодарю.

– Вам что-нибудь нужно? Возможно, вы голодны?

– Я не ем по ночам. Никогда.

– Вода на столике, – буркнул Рик, совершенно не понимая, как разговаривать с человеком, который смотрит на него как на пустое место, а отвечает спустя подозрительно долгие паузы. И прежде, чем делает это, смотрит на него так, словно с дерьмом мешает.

На эту его фразу даже «спасибо» не сказала. Лишь посмотрела, едва уловимо кивнула, мол, «свободен, а теперь

испарись» – и все.

Сейчас, когда в комнате было темно, а луна невообразимым образом раскрасила облик принцессы, сделав ее и без того бледную кожу сияюще белой, темные волосы налились особой потусторонней тьмой и сиянием, она казалась еще более нереальной в этом бледно-голубом кимоно, словно ее образ соткали звезды. Как можно проваляться весь день без сознания и от этого стать еще более совершенной? Нереальной? И сквозь всю свою неприязнь он не мог не признать, что сейчас Йолинь была невероятно красива. Темные брови едва уловимо нахмурились, стоило ему об этом подумать. А сама женщина заговорила вновь:

– Спасибо за заботу обо мне.

– Вы моя жена, – ответил Рик, а пространство вокруг них вновь заполнилось глубокой неловкой тишиной. – Завтра мне бы хотелось отбыть домой, надеюсь, это не вызовет проблем?

– Конечно. Если это все, мне хотелось бы отдохнуть.

– Как пожелает госпожа, – Рик и сам поразился, насколько ядовитой вышла эта реплика, но слово не воробей – не поймаешь. Потому он просто развернулся и решительным шагом направился к себе. В то время как Йолинь корила себя, что слишком сконцентрировалась на эмоциях этого северянина и так и не смогла найти в себе мужества задать ему ни одного по-настоящему стоящего вопроса.

В эту ночь Йолинь уснула полусидя на постели. Она и не

заметила, как ее веки налились тяжестью и сознание отпустило вымотавшееся за долгий день тело. Она еще смотрела на полный диск луны, когда вдруг поняла, что теплый весенний ветер путается в густых темных прядях ее волос. А она сама стоит в самом центре лесной опушки. Запах, исходящий от растущих вокруг вековых елей, наполнил воздух, сделав его густым и пряным. Ночь была не холодной, а скорее по-аирски теплой и нежной. Она так давно не ощущала ничего подобного на Севере.

– Знала, что тебе понравится, – знакомый женский голос раздался со спины.

И Йолинь, не сдержав улыбки, резко обернулась. Дэй стояла прямо за ее спиной. Зеленые глаза искрились от едва сдерживаемой радости, а сама девушка выглядела чересчур официально в традиционном костюме Дао Хэ. Правда, кое-что в облике подруги изменилось и не могло оставить принцессу равнодушной.

– Твой живот?.. – резко выдохнула Йолинь, против воли потянувшись рукой к Дайли.

Дэй улыбнулась и легко кивнула в ответ.

– Сегодня.

– Кто? – затаив дыхание, спросила Йолинь.

– Сыновья.

Йолинь и сама не заметила, как по ее щекам заструились слезы. Так долго она переживала за своего друга, так боялась за нее. Как она перенесет дорогу, не повредит ли это детям,

все ли будет хорошо? И вот сейчас она смотрела на Дайли и не могла подобрать слов, чтобы рассказать, как она рада за нее.

– Я знаю, – кивнула Дэй на ее невысказанные мысли. – Все хорошо.

– Мне бы так хотелось увидеть их… тебя.

– Скоро, обещаю, – кивнула Дэй, приобняв Йолинь за плечи. – Но сегодня есть кое-что еще, почему я пришла к тебе.

– Уже знаешь? – усмехнулась принцесса. – Только вот меня, наверное, поздравлять не с чем. Я прибыла на Север, как и должна была, и, несмотря ни на что, вышла замуж, как и должна была. Возможно, это правда, что если человек пытается изменить нити судьбы, то способен лишь запутать их еще сильнее, а конечный результат останется все таким же… если не хуже.

– Глупости, – не удержавшись, фыркнула Дэй. – Просто у каждого поступка и завершенного шага есть свое следствие… – как-то тяжело вздохнула она. – Ты же знаешь, у меня нет больше права влиять на твою судьбу, решать за тебя и вести по правильному пути, который лишь кажется таковым для меня. Я и так вмешалась больше, чем должна была… вероятные последствия пугают меня.

– Тебе никто не говорил, что подобные речи не очень хорошо успокаивают? – изогнув бровь, поинтересовалась Йолинь.

– Просто я не такая хорошая врушка, как большинство

даосцев, – улыбнулась Дэй, но тут же, став более серьезной, заговорила вновь: – Сегодня кое-что произошло с тобой, Йолинь. Я почувствовала, когда это вошло в тебя, здесь, – Дэй бережно взяла ладонь принцессы, где красовалась ровная розовая ниточка недавнего пореза, и провела по ней указательным пальцем. – Я меняла тебя, когда ты была больна, я очень хорошо чувствую каждый поток внутри тебя. Но после того, что произошло сегодня, ты словно стала дальше от меня. Что-то меняется, и я пока не понимаю, что именно…

– Ты думаешь, они что-то сделали со мной?

– А ты думаешь, нет? Я вижу это. Но ты же знаешь, что…

– Я выбрала остаться, я согласилась на брак. Мои шаги – мои следствия.

– Ты правда понимаешь?

– Я так долго грезила о том, что смогу стать самостоятельной, свободной, независимой, и лишь совсем недавно смогла понять оборотную сторону каждого слова. Я знаю, что ты можешь мне только посоветовать, что больше ты никогда не вмешаешься и не станешь влиять на мою судьбу, и за одно это я скажу тебе спасибо! Потому что это больше, чем кто-либо делал для меня.

– Я все равно буду рядом…

– Знаю.

Яркий солнечный луч упрямо пробился сквозь плотные шторы. Полоска золотого света небрежно легла на сомкнутые веки, возвращая Йолинь из мира грез. Странный сон

оставил послевкусие радости и тоски.

– Неужели Дэй родила? Мальчиков?! Боги, что начнется, когда все узнают! – тихо посмеиваясь, пробормотала Йолинь, выбираясь из кровати. Надо сказать, ей пришлось побарахтаться, прежде чем удалось доползти до края этого царского ложа и слезть с него. Мало того что кровать была высокой, так она еще и находилась на деревянном подиуме. Слезая с нее, Йолинь ощущала себя так, словно скатывается со спины гигантского животного, стараясь нащупать ногами землю.

Оказалось, что пока она была без сознания или же еще до того, как очутилась… тут, кто-то доставил ее нехитрый багаж. Массивный деревянный сундук сиротливо притулился в углу просторной комнаты, по центру которой возвышалось невообразимо огромное ложе. Вчера Йолинь смогла разглядеть лишь единственную дверь, через которую заходил Рик. Потому, когда рядом с входом обнаружилась еще одна дверца поменьше, девушка была приятно удивлена, поняв, что ей выделили комнату с ванной. Хотя ванной это помещение можно было назвать весьма условно. В Аире женщины совершали омовения в специальных чанах, куда помимо воды добавляли масла или отвары трав. На Севере мылись в сильно натопленных комнатах, сидя на деревянных лавках. Когда Иола впервые оказалась в такой комнате, она решила, что ее собираются пытать или что-то в этом духе. Дышать было нечем, раскаленный воздух огненным шаром вставал в гру-

ди. Дородная тетка раздела хрупкую девушку и велела лечь на деревянный настил, после чего исходила мослы принцессы прутьями, связанными в пучок. Было страшно, жарко и отчасти больно. Ее обливали то горячей водой, то холодной и без конца дубасили прутьями. Не сильно, но тем не менее принцесс не принято лупить по голой заднице. Одним словом, восторга от омовения по-северному Йолинь не испытала и в какой-то мере чувствовала себя униженной после такой процедуры. У большинства северян было отдельное строение, выделенное под «отбивальню», как про себя называла бани принцесса. Но в домах зажиточных граждан были и вот такие маленькие комнатки, где можно было попариться или просто совершить омовение. У некоторых была и канализация непосредственно в доме, бассейны для купания и прочее.

Как бы там ни было, девушка была рада и тому, что ей выделили свою личную комнату, где бы она могла привести себя в порядок. Как же быстро начинаешь ценить самые малые крохи комфорта, когда достаточно долго был этого лишен.

Накинув на плечи широкий белый халат, Йолинь села перед зеркалом и не без удовольствия принялась расчесывать влажные волосы. Порой где-то за ее спиной ей чудились видения прошлых лет, когда маленькая принцесса сидела вот так же перед зеркалом, а ее горничные бережно расчесывали витыми гребнями волосы своей госпожи. Сейчас все это казалось таким призрачным, далеким и будто бы случившим-

ся с кем-то другим. Вроде бы и отражение в зеркале ничуть не изменилось, и в то же время ее не узнать. Йолинь так погрузилась в собственные мысли, что не сразу заметила, что за ней внимательно наблюдают. Она догадалась, что настолько задумалась, что инстинктивно закрылась от окружающего мира. И стоило ей об этом подумать, как реальность не заставила себя ждать.

– Я напугал вас? – холодный, лишенный всяких эмоций голос раздался от самого входа. – Я стучал, – зачем-то добавил Рик, не без удивления наблюдая за проявлением чувств на этом прекрасном, но таком обычно равнодушном лице.

– Я… просто задумалась, – сказала Йолинь.

Ей всегда было сложно, когда, закрывшись на некоторое время, она вновь открывала свои способности. Одно дело, когда сперва она чувствовала отголоски чьих-то эмоций, постепенно справляясь с ними. Совсем другое, когда все происходило столь резко. Это выбивало из колеи.

– Что ж, – прокашлялся Рик. Он тоже чувствовал неловкость момента, словно стал свидетелем чего-то несоизмеримо личного и потаенного, будто бы заглянул за ширму и вместо привычной уродливости чужого облика увидел его ранимость, человечность. Быстро справившись с собой и велев себе не думать о фантазиях, которые не имеют ничего общего с реальностью, он продолжил: – Как бы там ни было, мы отправляемся через час. Домой я решил возвращаться порталом, так быстрее. – Он не спрашивал ее мнения по это-

му поводу, лишь ставил перед фактом. – По пути нам будет необходимо заглянуть в одно селение на окраине моих земель. Надеюсь, вы умеете ездить верхом?

Йолинь умела… на маленьком пони, который у нее был, когда ей было семь. Но не желая создавать проблем и раздражать северянина больше положенного, она сама неизвестно зачем кивнула и сказала, что проблем не возникнет. Тогда Рик добавил, что в течение часа принесут костюм для верховой езды и ей следует облачиться во что поудобнее.

– Конечно, – легко кивнула девушка, подумав, зачем она сказала, что умеет ездить верхом?

«Ладно, что там может быть сложного? Сел, тряхнул поводьями и вперед!» – начала вспоминать, что именно она делала сидя на маленьком мохнатом пони во внутреннем саду дворца. Правда, в памяти плохо отложился момент, как именно этот самый пони стряхнул ее в заросли шиповника, а сердобольные няньки всю ночь выковыривали занозы из ее тела.

Вскоре неприятная молоденькая служанка доставила Йолинь кипу одежды и маленькие сапожки. На самом деле, служанка была весьма миловидна и хороша собой, только вот на принцессу смотрела волком. Не говоря уже о ничем не прикрытом презрении, что волнами исходило от нее. А мысль о том, что заморская принцесска силой женила на себе ее господина, и вовсе была чуть ли не написана у нее на лице.

– Вот, – кивнула девчушка в сторону одежды, – это муж-

ское, но все, что есть, вашего размера, – пренебрежительно окинув взглядом миниатюрную фигуру Иолы, сказала она.

– Мужское? – переспросила Йолинь, сильно опасаясь, что ей принесли одежду какого-нибудь мальчика, умершего лет триста назад.

– Да, маленькие девочки такое носят, когда учатся ездить верхом. Более взрослым женщинам предпочтительно носить другой фасон.

– Спасибо, – поблагодарила принцесса, больше всего желая отделаться от общества служанки. – Я сама справлюсь.

– Как будет угодно, – хмыкнула девушка, резко развернулась на каблуках, отчего толстая русая коса взмыла в воздух и едва не прошлась кончиком по лицу Йолинь, и вышла из комнаты. Правда, то, что Иола избежала такой завуалированной пощечины, случайностью не было. Принцесса почувствовала настрой своей «служанки» сделать нечто обидное, но при этом так, что не докажешь, и, вовремя среагировав, увернулась. Вот только мысль о том, что это лишь начало, не вселяла уверенности в собственных силах избежать большую часть того, что ей приготовят в этих землях.

Одеться самостоятельно в мужскую одежду было несложно. Темные брюки из плотного сукна оказались в самый раз, правда немного длинноваты. Благо их можно было заправить в высокие кожаные сапоги. Темно-синяя рубашка была довольно просторной и длинной, так что ее пришлось тоже заправить в брюки. А вот темный жилет доходил Йолинь до

колен, но, как это ни странно, хорошо сел прямо по фигуре. Волосы она заплела в высокую косу, на кончик которой надела заколку в виде когтя. Скажем так, тут Йолинь не сдержалась. Она выросла при дворе Аира, где женщины не трогали мужчин, уважая и почитая своих визави, но вот друг с другом в ее прежнем мире расправлялись на раз-два. Каждая девушка знала не только, как правильно пользоваться иглами в целях поддержания красоты, некоторые аирчанки могли легко отправить соперницу на тот свет, вогнав свою иглу в нужную точку. Все, что было красиво и невинно, могло быть и источником смерти. Ногти, на которые наносили ядовитые растворы. Одна царапина, которая тут же воспаляется и гноится. Особые веера с разнообразной начинкой, кольца с потайными иголочками, смазанными чем-то, от чего так просто не излечиваются, заколки, как сейчас надела Йолинь, уродовали лицо сопернице в секунду. Девушки при дворе Аира выглядели как редкие экзотические птички. Некоторые полагали, что все, что надето на этих женщинах, было ради красоты. Знающие долгожительницы двора смотрели и оценивали имеющийся «арсенал», заранее прикидывая, есть ли у них шансы против такой вот «птички».

Принцесса поняла, что прошло около часа, но за ней так никто и не пришел. Подумав, что, возможно, и не придут, Йолинь решительно толкнула входную дверь и вышла за пределы своего временного пристанища. Она оказалась в длинном коридоре, стены которого были выкрашены в па-

стельные тона и увешаны различными видами оружия. Единственное, что она могла бы точно квалифицировать, было мечом. Правда, каким именно мечом, она бы не определила. Прислушавшись к собственным ощущениям, она приняла решение повернуть направо, поскольку именно с той стороны доносились отголоски чужих чувств, переживаний и эмоций. Она бы назвала всю эту какофонию «предвкушением». Возбуждение от предстоящего путешествия пропитывало воздух вокруг, передаваясь и самой Йолинь.

«Придется несладко», – подумала принцесса, концентрируясь на чужих эмоциях и отгораживаясь от них. Выходило плохо.

Вскоре коридор привел ее к широкой деревянной лестнице, ведущей на первый этаж. Когда девушка начала спускаться по ступеням, до ее слуха стали доходить возбужденные голоса с улицы. В доме было пусто, казалось, все обитатели этого особняка собрались во дворе и сейчас создавали максимум возможного шума и эмоционального разноголосья. У Йолинь несильно закружилась голова. Тошнота подступила к горлу. Слишком много людей, слишком бурлящая атмосфера для нее. Дрожащими пальцами она ухватилась за широкие перила из мореного дуба и, опустив голову, глубоко втянула ртом воздух.

– Вам плохо? – донеслось до нее со спины.

Всего два слова, а казалось, будто бы вместе с ними ее в спину ударила волна ледяного холода и безразличия. Пере-

дернув плечами, она нерешительно обернулась, чтобы увидеть, как с самого верха лестницы на нее смотрит светловолосый северянин. Муж. Его глаза предштормового неба смотрели холодно и безучастно, словно задавая вопрос о ее самочувствии, а сам Рик раздумывал совершенно о другом. Возможно, Йолинь приписывала те эмоции, что считывала с окружающих, к их мимике. Но ей казалось, что этот человек буквально изливает на нее все возможное презрение, которое только можно испытывать к человеку. Слова, произносимые им, выражающие заботу, теряли всякий смысл на фоне ее собственных ощущений.

– Почему вы вышли?

– У меня нет права покидать свою комнату? – изогнув бровь, поинтересовалась девушка, резко выпрямив спину.

– Я не это имел в виду, – делая шаг вниз по ступеням, ответил Рик, про себя отмечая, что его супруга выглядит бледнее обычного.

«Только не хватало лечить ее», – нехотя подумал он, искренне сожалея, что два года назад никто так и не принял решения просто избавиться от дочери Императора Солнца. Куда меньше проблем было бы сейчас. Кто-то посчитал бы подобные рассуждения верхом цинизма и жестокости, но Рик просто был таким. Давно разучившись воспринимать окружающих его людей как нечто незаменимое и ценное, он вынес один очень важный урок из своей долгой жизни: уходят все. Ты можешь кричать о том, что жизнь несправедлива; что

так не должно быть; что ты не выживешь, потеряв кого-то любимого и дорогого. Но все это не правда. Заблуждение. Ты будешь жить, на смену прежним привязанностям придут новые, появятся на свет тысячи других жизней, и ты вновь попытаешься зацепиться за кого-то, чтобы опять потерять и выжить. И так будет продолжаться до тех пор, пока не придет осознание, что смотреть на окружающих смертных женщин, а когда-то и на мужчин, проще так, как смотришь на проточный ручей. Вода бежит, она изменяется, но по сути ручей остается все тем же. Умирают одни, рождаются другие. Это ничего не меняет, ни на что не влияет. Единственная константа в твоей жизни – это ты сам, сила, что течет по твоим венам, и земля, которую ты призван защищать, чтобы ничто не перекрыло путь «ручью», превратив его в затхлое болото.

Он смотрел на эту маленькую женщину, что сейчас так крепко сжимала пальцами перила лестницы, и недоумевал, зачем она понадобилась Совету. Смысла он не видел, но ведь это не значило, что его нет? И следует повнимательней присмотреться к своей «жене», во избежание, так сказать. За последние дни Рик немного поостыл и пришел к выводу, что по большому счету он в состоянии терпеть эту женщину в своих землях. Всего-то и нужно выделить ей комнату или дом вблизи от его поместья, кормить ее и оплачивать положенные расходы, а там пусть живет, как хочет. Конечно, будет не очень приятно, если начнет шашни крутить у него под носом, все же рогоносцем в собственном доме быть нехорошо,

но лучше уж с кем-то другим, только не с ним в «любовь» играет. Правда, Совет настаивал на их совместном проживании хотя бы в течение года… Это условие цепляло Рика больше всего. Зачем? Вопрос не отпускал, крутился все время в подсознании, но ответа он пока найти не мог.

«Но это только пока», – усмехнулся про себя мужчина, тем временем обратившись к женщине.

– Вы идете? – уже проходя мимо девушки, спросил он.

Йолинь уже собиралась ответить ему, что следует за ним, как Рик сделал еще один шаг по ступеньке вниз, а сама девушка даже не успела понять, что произошло. Словно едва ощутимый и в то же время плотный шлейф окружал фигуру северянина. Раньше ничего подобного она никогда не чувствовала. Невесомое и одновременно ощутимо плотное, совершенно невидимое, но осязаемое «нечто» в человеческий рост стелилось за фигурой Рика, вдруг задело ее, прошло насквозь и вышло с еще одним шагом мужчины. Йолинь пошатнулась, неуверенно ступила на ступеньку, нога ее подломилась, и принцесса с совершенно неподобающим ее положению «а!» впечаталась в спину северянина.

Первой мыслью северянина было то, что женщине надоело изображать кроткую овечку, и она решила, чего греха таить, просто прирезать Рика, ударив в спину. Честно сказать, он ожидал попытки его прикончить с самого первого дня, как сообщил невесте о свадьбе. Если этой женщине ничего не стоило отправить на смерть несколько десятков человек,

чтобы не выходить замуж, что уж говорить о самом благоверном. За ней бы не заржавело, это точно. Стоило подставить спину с достаточно близкого расстояния, и вот, пожалуйста, она готова к действиям. Правда, о том, что делать дальше будет, видать, и не задумалась, болезная. Слишком неожиданными стали этот воинственный вопль и ощущение опасности со спины, потому далее все происходило на инстинктах.

Принцесса понимала, что если не зацепится за спину Рика, то просто кубарем покатится вниз по ступеням. Каково же было удивление Йолинь, когда, вместо ожидаемой опоры, ее подхватили сильные руки, низ поменялся местами с верхом, а уже через толику секунды ее голова оказалась зажата в крепких тисках мужских рук.

– Какого… хрена, – потрясение было таким, что Йолинь и сама не поняла, как ей удалось вспомнить одно из ругательств северного народа и уж тем более прошипеть его сквозь захват.

– Что вы задумали? – раздалось у нее над ухом. Голос был холоден и предельно серьезен.

– Мне… мне… нечем дышать, – кое-как пробормотала Йолинь, вцепившись пальцами в руку мужчины и отчаянно пытаясь ослабить его хватку. Конечно, ее усилия результата не принесли, но Рик, сообразив, что слишком сильно сжал женщину, резко убрал руку и, схватив ее за плечи, повернул лицом к себе.

– Отвечайте! – легонько встряхнув принцессу, потребовал он.

Горячее дыхание северянина обожгло губы Йолинь. На какое-то мгновение, такое краткое и невесомое, принцесса полностью потерялась в его объятиях, запуталась на самом дне глаз цвета бури. Даже воздух исчез из ее легких, и чего стоил судорожный вдох, раскаленным шаром обжегший горло!

– Я всего лишь оступилась, – как-то потерянно произнесла она, в то время как Рик и сам уже догадался, что переборщил. В руках у девушки ничего не было, лицо казалось слишком бледным, взгляд болезненным и беспокойным.

– Простите, – через некоторое время все же выдавил он из себя. – Я ошибся…

Йолинь поняла, что имел в виду Рик. Осознание того, в чем ее подозревал северянин, болезненным уколом отразилось в сердце. Чего она ждала? Все ее опасения воплощаются в жизнь. Если даже муж боится подставить ей спину, что говорить о других? От единожды предавшего – ждут предательства, а не покаяния. Окажись она в подобной ситуации года два назад, то сделала бы все от себя возможное, чтобы избежать подобной участи. Конечно, самолично нападать на такого мужчину, как Рик, она не посмела бы. Но ведь есть масса других способов, и не сказать, что она не готовилась к разным вариантам развития событий. Не слишком полагаясь на обещание, что было ей дано когда-то, она потратила

много времени на то, чтобы суметь отстоять свое право на жизнь и свободу.

Но не сейчас… Это было свыше ее сил. Принцесса никогда не считала себя хорошим человеком. Она всегда знала, что внутри у нее есть та «общепринятая» гниль, осуждаемая окружающими людьми. Не было в ней ни человеколюбия, ни сострадания к окружающим. Она любила себя и не считала, что это нечто плохое. У нее не было никого столь близкого, ради кого хотелось бы идти на жертвы, не было друзей, а родственники… всего лишь одна кровь – ничего больше. В мире Дворца Солнца не могло быть семейственных ценностей. Она знала, что совсем скоро из трех ее братьев останется только один. Тот, кто вовремя подсуетится и вступит в наследование престола. Женщин в таких играх не убивали – их всего лишь выдавали замуж. Что с ней и сделали. Так с чего бы ей любить их? Единственным, кого она жалела, был Сай, младший и самый болезненный принц. Йолинь считала его приговоренным с рождения. Шансов у мальчика никогда не было. Природа не дала ему такого шанса, ведь, как полагала принцесса, для того, чтобы бороться за престол, нужно много сил, незаурядный ум и хитрость. Из всего перечисленного ее брат обладал лишь вторым качеством… но этого было слишком мало. И, несмотря на то что с Саем они были почти дружны, Йолинь давно знала, что совсем скоро один из ее старших братьев вонзит свой кинжал в спину того, кто может однажды претендовать на престол. Это было неизбежно.

И во всем мире было лишь одно существо, готовое бороться за нее, – это она сама. Но сейчас, приобретя то, что принесло ей исцеление от недуга физического, она просто не могла игнорировать окружающий мир. Ее сердце и разум разделились и пока все еще искали путь, чтобы научиться жить по-новому. Чувствовать окружающих – все одно, что становиться ими. Она видела свое отражение и в Рике, и в прислуге, что недавно приходила к ней, в каждом. Их ненависть, презрение, холодность, все одно, как она сама бы испытывала это все по отношению к себе.

– Впредь я буду осторожнее, – наконец совладав с собственным голосом, сказала она, поворачиваясь к мужу спиной, и быстрым шагом направилась к выходу из дома.

С каждым сделанным шагом Йолинь злилась все сильнее: на себя, на Рика, на весь этот мир. Почему так вышло, что она родилась не такой, как было положено в Аире? Откуда в ее голове взялись все эти идиотские мысли о том, что она не пустое место, не собственность своего отца, что имеет право? Откуда все это? Насколько счастливее она могла бы быть, удовлетворяясь тем, что предлагает жизнь во дворце; тем, какую судьбу выбрал для нее отец? Слепое удовлетворение жизнью – она всегда полагала, что именно такие ощущения испытывают окружающие ее женщины во дворце. Сколько раз она пыталась поверить в то, что и ее все устраивает. Что все так и должно быть! Но каждый раз все заканчивалось тем, что ей просто становилось тошно от своих мыс-

лей. Каждый раз она злилась на себя все сильнее и выливала собственное бессилие на окружающих. И прекрасно знала, что говорят у нее за спиной: «стерва», «бесчувственная тварь». Это были самые невинные высказывания в ее адрес. Но тогда она упивалась ненавистью и страхом окружающих. Казалось, что раз они так ненавидят ее, то и она не обязана чувствовать себя виноватой по отношению к ним, твердой поступью наступая на головы своих врагов.

– Как же все изменилось, – по-аирски прошептала она и совершенно неожиданно услышала в ответ:

– Жизнь должна меняться, статична лишь смерть.

Широкая ладонь Рика уверенно легла на крепкую дубовую дверь, отворяя ее перед Йолинь. Принцесса уверенно шагнула навстречу яркому весеннему солнцу, что сейчас заливало внутренний двор, чтобы окунуться с головой в вихрь чужих эмоций и ощущений. На какое-то мгновение возникло неконтролируемое желание сгорбиться, обхватить руками плечи и сказать, как она устала. Что не может сделать и шага более. Но вместо этого спина женщины стала еще прямее. Царственная осанка, непроницаемое выражение лица, ясный и полный достоинства взор. И не скажешь, что ей больно, потому как один из мужчин совсем недавно вывихнул плечо и оно все еще болит, когда он поднимает руку, чтобы оседлать свою лошадь; что в то же самое время у нее кружится голова, потому что вчера несколько северян перебрали со спиртным, а сегодня вынуждены бороться с похме-

льем; что она ощущает ничем не прикрытую радость от того, что пришла пора вернуться домой. И столько этих чужих и непонятных эмоций, сходящихся на ней, что, кажется, остался лишь вздох до грани безумия.

– Сейчас я открою портал, который выведет нас на окраину моих земель. Оттуда придется двигаться верхом, – сказал Рик, не без раздражения отмечая, что женщине, похоже, нет никакого дела ни до его слов, ни до него самого.

«Что толку с ней говорить?» – про себя фыркнул северянин, отходя от Йолинь к точке, где намеревался открыть пространственный коридор.

Йолинь и впрямь не обратила внимания на слова Рика. Все, что имело значение, – это просто не рухнуть в обморок, передвигать ногами, куда и все, и никому не показать своей слабости. Она решила, что если будет двигаться рядом с северянином, то точно уж не отстанет и попадет куда нужно, не привлекая к себе лишнего внимания. В конце концов, она его супруга, и это будет выглядеть нормально, если она станет ступать след в след за своим мужем.

– Отойдите подальше, – не скрывая легкого раздражения в голосе, сказал Рик, не без удивления отмечая, что принцесса топает за ним шаг в шаг. При этом девушка смотрит на него так, словно он отлит из стекла и его в принципе тут нет.

– Я же сказал, что буду открывать портал. Вы должны знать, что в такой момент лучше не мешаться под ногами.

– Да, – буркнула женщина, даже не взглянув на него, и

отошла на несколько шагов в сторону не только от Рика, но и от остальных людей, столпившихся во дворе.

Когда Рик начал читать формулу заклинания, своеобразный каркас для его силы, Йолинь не без удивления наблюдала за тем, как проявляются нежно-голубые нити, как умело сплетаются они вокруг фигуры северянина. На мгновение были забыты и окружающие ее люди, и их эмоции – все это ушло на второй план. Никогда прежде она не видела ничего подобного! И хотя она не раз видела, как творят свою ворожбу Властители, ни разу еще не была свидетелем такого… Как бы сказать, раньше Йолинь была всего лишь свидетельницей результата применения силы, но никогда прежде для нее не был очевиден сам процесс. Что это за едва видимые нежно-голубые ниточки? Почему она вдруг замечает их? То, как они закручиваются в воздухе в невероятные спирали, в то время как Рик произносит все эти непонятные слова. Они ластятся к нему, словно к любимому хозяину, послушные его воле. Но также принцесса не могла не заметить, что никто, кроме нее, не таращится на происходящее вокруг фигуры северянина. Мужчины продолжают заниматься последними сборами, подготавливая лошадей к переходу, женщины суетятся вокруг поклаж с багажом.

Вдруг что-то словно щелкнуло в пространстве. Не то чтобы Йолинь услышала какой-то звук, нет, просто неожиданно что-то изменилось, и она ощутила это всем своим естеством. Будто бы странный, непонятный механизм пришел в движе-

ние где-то совсем рядом. Повернувшись к Рику, она увидела, как до того момента хаотично витающие вокруг спирали почти невидимых нитей образовали собой странную замысловатую полупрозрачную арку, внутреннее пространство которой лучилось нежно-голубым сиянием. Этот свет вдруг завладел сознанием девушки, внося на самое дно ее души такое долгожданное чувство покоя и примирения с собой. Сияние, такое чистое, оно манило ее, словно бы говоря, что у него есть то, что она так давно ищет. Стоит только подойти – и оно само даст ей искомое.

– Что за ерунда? – кое-как совладав с собой, Йолинь встряхнула головой, пытаясь избавиться от наваждения.

Вновь подняв взгляд, Йолинь не без досады поняла, что больше не видит ни арки, ни парящих нитей. Даже свет исчез. Теперь солнце не казалось столь ярким, радостным и весенним. Оно словно поблекло в сравнении с тем, каким может быть настоящее сияние… Казалось, потеряв способность видеть эти самые ниточки, ушла и радость из этого дня, а на ее место вернулся такой знакомый вихрь чужих страстей. Суматошный, бурлящий, чуждый.

– Готово, – сказал Рик, призывая всеобщее внимание. – Саймон, Беррок, – вдруг обратился он к двум рослым мужчинам, по всей видимости братьям-близнецам, – ваша задача помочь принцессе пройти сквозь портал, пока я буду его удерживать. Далее будете помогать ей, это понятно?

Казалось, мужчины, судя по многозначительным взгля-

дам, которыми они обменялись в этот момент, особого энтузиазма от вынужденной повинности не испытывали.

«Но оно и немудрено», – подумала Йолинь.

– Да, – вынужденно согласились братья.

– Тогда выдвигаемся, – решительно скомандовал Рик, и небольшая группа северян, полностью запряженных животных с поклажами и без пришла в движение.

Хотя голубой арки портала и не было больше видно, все же люди имели верное представление о правильном направлении. Ведь коридор Рик открыл, обозначив границы входа в него двумя крупными камнями, так что каждый точно знал, куда именно следует идти.

– Пойдемте, – обратился темноволосый мужчина с небесно-голубыми глазами к Йолинь. – Я Саймон, а это мой брат Беррок. Мы поможем вам.

– Спасибо, – скупо ответила Йолинь, прекрасно опознав по эмоциональному фону в этих двух братьях тех, кто совсем недавно подсматривал за ней. Тем не менее, здраво рассудив, что лучше не высказывать своих претензий сейчас, она кивнула и направилась вслед за мужчинами. Первым в портал вошел Беррок, следующей была очередь Йолинь, а Саймон должен был выступить замыкающим.

Стоило Иоле ступить в обозначенную арку портала, как сперва легкое головокружение сменилось тошнотой, усиливаясь все больше. Казалось, настоящий вихрь подхватил ее, закружил, перевернул внутри все вверх дном, ноги переста-

ли слушаться, и она стала падать. Куда и зачем – Йолинь больше не понимала.

Так сильно ее закружило. Страх распустил ледяные щупальца, обхватив сердце. Йолинь, до того уже путешествующая подобным способом, сразу поняла, что что-то пошло не так. И когда стало казаться, что конца и края этому падению в никуда не будет, ее просто вышвырнуло в окружающий мир.

Девушка не сумела удержаться на ослабевших ногах и сразу сориентироваться, и все, что ей оставалось – это сгруппироваться и попытаться остановить неконтролируемое падение. Единственное, что она еще могла осознать, так это то, что падает она в глубокий лесной овраг. Казалось, своим телом она собирала все кочки, какие только могут быть. Кувыркнувшись еще раз, Йолинь больно ударилась спиной о широкий ствол дерева, а в следующий миг голова принцессы буквально взорвалась острой болью, сознание померкло, словно кто-то задул последнюю свечу в комнате, погруженной во мрак.

Сколько она пролежала вот так – незащищенная, слабая, в полном одиночестве, – девушка не знала. Но в сознание ее привели капли… холодные, грузные капли, падающие откуда-то сверху. Потоки ледяной воды, попадая на лицо, стекали за шиворот; намокла и прилипла к телу одежда. С трудом разлепив тяжелые веки, Йолинь болезненно сощурилась. Кругом стояла непроглядная тьма, беспрерывно лил

дождь. Тело онемело, и не сразу принцесса осознала, что невероятно замерзла. Когда Йолинь поняла, что лежит на промозглой земле, то попыталась приподняться. Опереться на руки казалось непосильной задачей. Онемевшие конечности отказывались слушаться. Не сразу ей удалось приподняться на локтях, когда же это случилось, Йолинь всерьез пожалела, что отважилась на такой шаг. Голова взорвалась от резкой боли. Страшно болел затылок, оттуда боль волнами распространялась по всей голове. Дрожащей рукой принцесса провела по влажным волосам, ощупывая голову. На затылке обнаружилась огромная гематома, кожа в этом месте казалась неестественно горячей, а волосы, несмотря на дождь, слиплись.

«Должно быть, это кровь», – несколько отстраненно подумала Йолинь.

Стиснув зубы и обхватив руками ствол дерева, рядом с которым все это время лежала, Йолинь кое-как удалось встать на ноги. Постоянно думая лишь о том, как бы не поскользнуться и не упасть. То, что она была в лесу, не вызывало сомнений, как и то, что она совершенно ничего не видит вокруг. Но девушка помнила, как падала, потому то, что она находится в каком-то овраге, было очевидным. Вытянув руки перед собой, она попробовала сделать несколько шагов по скользкой размякшей земле. Очень осторожно, отодвигая огромные еловые лапы, согнувшись в три погибели, она попыталась сделать несколько шагов. Куда идти, не знала, но

отчего-то казалось, что оставаться на одном месте не стоит. В какой-то момент она поскользнулась и упала на четвереньки, руки тут же ушли в густую ледяную жижу. Но не это было тем, что заставило принцессу ощупывать землю перед собой. Йолинь показалось, что она уходила куда-то вверх, то есть, возможно, это был склон холма, с которого она так неудачно скатилась еще днем. В какой-то момент пальцы зацепились за нечто, напоминающее корешок. Ухватившись, она попыталась ползти вверх, но вместо ожидаемой поддержки ее рука соскользнула, и принцесса вовсе не царственно ухнула лицом в грязь.

– Да пропади он пропадом, этот Север! – отплевываясь, бормотала девушка, продолжая шарить руками по земле в поисках опоры. На ум пришел вопрос: будут ли ее искать? Но, как ни надеялась принцесса на положительный ответ, в голову приходило совсем другое.

– Ага, конечно, – кряхтя и распластавшись на некрутом склоне оврага, шипела она, пытаясь подтянуться повыше. – Ищут! Уж скорее поминки справляют всем миром. Муж-то, наверное, вне себя от нежданной радости!

Ухватившись за очередной выпирающий из земли корень, принцессе наконец удалось чуть продвинуться вверх.

– А может… – начала было она вслух, но неожиданно вновь соскользнула вниз, каким-то чудом уцепившись за… корень? Должно быть, это был он. – Гадство, – сплевывая грязь, которая, казалось, забилась и в рот, и в волосы и тол-

стым слоем покрыла ее сверху донизу. – Только бы вылезти! И пусть думают, что сдохла где-нибудь в канаве… Ага, так и будет, если не найдут, – уже тише пробурчала себе под нос. – Или они меня сюда специально зашвырнули? Почему нет? – продолжала вслух размышлять она. – Глупо, конечно, надо было бы проверить, наверняка ли меня зашибло, а так… Хотя, если не убило, то наверняка ведь есть то, что добьет, – от этой невзначай брошенной фразы принцесса вдруг замерла. Руки еще крепче сжались на случайной опоре, лицо стало бледнее обычного, а в глазах мелькнул неподдельный страх. Всплыли в ее памяти видения прошлого. Залитая кровью, словно пурпурным вином, лесная опушка. Костер, пожирающий растерзанные тела. И твари, много тварей, бывших людьми и превратившихся в монстров, скрывающихся под кронами деревьев и покровом ночи…

«Уж лучше смерть, чем так», – уже про себя подумала она. Теперь Йолинь больше не пыталась рассуждать вслух, чтобы отогнать страх. Она не всхлипывала и не кричала, даже если жгло руки, когда выскальзывал очередной корешок из сжатой ладони. Она соскальзывала, хваталась вновь за что придется и ползла вверх. В голове билась лишь одна мысль – она не должна шуметь! Ни звука, ни лишнего вдоха. Чем тише, тем больше вероятность, что ее не услышат.

Впервые пришла настойчивая мысль, которую она повторяла про себя словно мантру, и в какой-то момент и впрямь уверовала, что так и есть: «Меня нет. Я ничто. Меня нет. Я

ничего не чувствую. Я не жива. Меня нет. Я ничто».

И так по кругу, вновь и вновь.

* * *

Что-то пошло не так. Рик понял это сразу. Стоило принцессе переступить границы его портала, как нити, удерживающие его, натянулись, завибрировали, наполняясь особым потусторонним звучанием, и распались…

«Пуф, и нет», – сказал бы он, если бы его в этот момент спросили, что произошло. Но вместо этого он едва успел остановить одного из братьев от входа в портал. На место автоматической реакции обезопасить того, кому предстояло войти в пространственный коридор, пришел страх. Эмоция была столь резкой и столь же неожиданной, что Рик не сразу понял, за кого переживает, а дальше просто не позволил себе этого осознать, задвинув нежданное чувство куда-то на задворки сознания.

Построить новый портал оказалось довольно просто, как и удержать его для всех остальных, кто не успел войти в первый. Правда, все это время северянин едва сдерживался, чтобы не рвануть вперед всех и не узнать, все ли хорошо на той стороне. Да, именно так: все ли хорошо с его людьми? Вот, что его беспокоит.

Определившись с источником волнения, Рик немного успокоился и уже через полчаса совершенно спокойный во-

шел в портал, закрывая его за собой. Правда выйдя из него, северянин уже очень долго не мог себе вернуть это ощущение.

Первое, что коснулось слуха, это нестройный гомон мужских голосов, суета, беспорядочное движение. Как оказалось, все было не столь хаотично. Пока его не было, члены отряда поделились на две группы. Одна оставалась с обозом и поклажами, вторая, наспех облачившись в защиту, обвешав себя оружием с головы до ног, вскакивала верхом на лошадей.

– Что происходит? – грозный рык прервал общую суету.

– Принцесса, – несколько растерянно пробормотал Беррок, – она не вышла за мной.

На поляне воцарилась неожиданная пауза, когда Рик лишь устало поднял руку, чтобы на мгновение прикрыть глаза.

«Как же меня достала эта баба», – обреченно вздохнул он, касаясь нитей, чтобы сплести заклинание поиска.

– Нам надо выдвигаться сейчас, скоро будет дождь, – сказал кто-то из мужчин, произнося вслух и без того очевидные для всех вещи.

– Надо сначала найти, – скупо ответил Рик, беря под уздцы своего вороного жеребца.

Местом выхода оказалось широкое поле, которое словно окаймляли темный Проклятый лес с одной стороны и высокие снежные горы с другой. Правда, горы были гораздо даль-

ше отсюда и находились в нескольких днях пешего перехода. Именно там протекала горная речка Тирта, именно эти горы носили имя Грозового Перевала. Когда на их пиках сталкивались тяжелые тучи, казалось, земля вот-вот уйдет из-под ног. Это был его дом.

* * *

К тому времени, как Йолинь сумела выбраться из оврага, она поняла две вещи: первое – дождь закончился, и второе – она готова потерять сознание. Что, собственно, и сделала.

Не сумев побороть свою усталость и боль, принцесса провалилась в забытье, распластавшись прямо на мокрой пожухлой листве, что своеобразным ковром покрывала все вокруг.

Вновь пришла в себя, когда мириады солнечных зайчиков, отражаясь от глянцевой поверхности изумрудных влажных листьев, падали прямо на глаза. Веки удалось разлепить лишь с третьей попытки, чтобы вновь их прикрыть. На этот раз болело все. Спина, ноги, руки, голова. Причем если голову саднило от пришедшего на нее удара, то тело ныло совсем по другой причине. Йолинь поняла сразу, что ночевка на стылой земле в мокрой одежде даром не прошла, но разлеживаться и дальше было нельзя. Тут уже и воспаление легких, и боги знают, что еще! Глубоко вздохнув, предвкушая далеко не радостные перспективы слечь с горячкой на несколько недель, она все же попыталась встать.

– Бог ты мой, – кое-как шевеля губами, пробормотала она, стоило увидеть собственные руки.

С головы до ног принцесса, словно диковинное панцирное животное, была покрыта толстым слоем грязи вперемешку с застывшими в ней веточками, листвой и травой. Еще ночью она извалялась так, что бурая жижа успела подсохнуть и застыть, как на лице, так и на всем теле. Кожу на руках покрывала толстая серая корка, как, собственно, и все остальное. Даже коса застыла палкой на спине.

Решив, что выбора особого все равно нет, принцесса поднялась на ноги, чтобы принять одно-единственное решение, от правильности которого в буквальном смысле зависела ее дальнейшая жизнь: куда идти? Быстро поняв, что в какую сторону ни посмотри, а лес везде одинаков, разве что у нее за спиной, как оказалось, и впрямь был овраг. Йолинь решила в кои-то веки осознанно прислушаться к собственным способностям. Прикрыв глаза и опершись спиной о широкий древесный ствол, девушка сосредоточилась на собственных ощущениях. Сейчас Йолинь впервые за минувшие два года действительно хотела «услышать» хоть кого-нибудь живого! Сказать, что ей было страшно в этот момент – не сказать ничего. Она боялась до дрожи в ногах! Ни голод, ни боль во всем теле не могли побороться за место в ее сердце под натиском ледяных щупалец звериного ужаса, стоило ей только вспомнить мертвые белесые зрачки, пергаментно-серую кожу виргов, их жажду крови и свирепость, с которой они

вонзали свои клыки в глотки людей! Сейчас бы забиться куда-нибудь подальше, поглубже в какую-нибудь нору и сидеть там, дрожа от страха и ужаса. Но, даже желая этого, она, как дочь Аира, не могла себе такого позволить. Даже если страшно, даже если больно и нет сил терпеть, ты встаешь и идешь! И никто во всем мире не должен знать, что у тебя на сердце. Твоя ценность в твоем лице и манерах, нутро не видит никто, оно – это твоя личная проблема.

Кто бы знал, что эти ненавистные уроки однажды станут жизненно важными в такой ситуации, как сейчас!

Сколько бы она ни «слушала» мир вокруг, все равно не могла почувствовать ничего связного. Какая-то бесконечная ненавязчивая какофония из жажды, голода, интереса, смешанного с толикой агрессии и желания.

– Точно, весна же, – буркнула она, припоминая, чем конкретно занимается зверье в лесах по весне.

«Не люди же в чащах спариваются? Хотя кто их поймет, этих северян», – тяжело вздохнув, оттолкнулась спиной от ствола дерева и решила идти в сторону, где витали амурные нотки эмоций. Все же лучше туда, там не до нее, чем туда, где хотят кушать.

Она ступала осторожно, почти бесшумно, стараясь лишний раз не тревожить ни ветки, что так и норовили хлестнуть по лицу, ни толстого лиственного ковра под ногами, что шуршал, даже если она ступала аккуратно. Солнце пробивалось сквозь кроны вековых деревьев, но преодолеть их пол-

ностью даже у него не хватало сил, так что вокруг было достаточно светло, если бы дело касалось сумеречного времени суток. Спину саднило все сильнее, но останавливаться было нельзя – это Йолинь знала совершенно точно.

Сколько она так шла, Йолинь не знала, но в какой-то момент эмоциональный фон вокруг стал ярче, дух соперничества буквально захватил и ее саму, заставляя с трудом сдерживать собственные эмоции и желания. Какое-то ритмичное «тук, тук, тук» эхом отражалось от стволов окружающих деревьев.

На широкой лесной опушке сошлись в схватке два самца… оленей? Определенно, эти существа были похожи на тех, кого принцесса классифицировала бы как оленей. Вот только в холке каждый из них достигал трех с половиной метров и имел огромные ветвистые рога, мощное, мускулистое тело. Соперники сошлись в самом центре, скрестив рога и с силой толкая друг друга. Это было похоже на битву двух гигантов. Страшно, красиво, жутко и в то же время завораживающе. Еще пару минут она не могла найти в себе сил, чтобы двинуться дальше. Но здраво рассудив, что, если разгоряченные схваткой существа почуют кого-то постороннего, ей не убежать, решила двигаться, пока не стало слишком поздно. Она обошла опушку по дуге, стараясь не шуметь и не привлекать к себе лишнего внимания, и вновь окунулась в полумрак леса.

Эмоциональное эхо схватки становилось все дальше. С каждым шагом Йолинь кожей чувствовала, что удаляется от соперничающих животных. Лес на какое-то время стал гуще, словно единой нерушимой стеной сплотились деревья. Теперь Йолинь приходилось чуть ли не проползать под колючими и лысыми лапами елей. Мертвые серые ветки переплелись друг с другом, будто отгораживаясь от окружающего мира. Честно сказать, Йолинь за всю свою недолгую жизнь бывала в парках. Иногда ее вывозили на королевскую охоту, где она сидела на широкой подушке в окружении наложниц и придворных дам и безо всякого интереса наблюдала за тем, как кучка мужчин с радостным улюлюканьем сперва уезжает в лес, а спустя часов пять возвращается, опять же улюлюкая и хвастаясь добытыми трофеями. Зная своих братьев, принцесса была уверена, что, оказавшись в лесу, они устраивались с выпивкой и едой в какой-нибудь ложбинке, пока слуги находили подходящие им по статусу трофеи. После чего едва стоявшие на ногах принцы кое-как залезали на своих лошадок и, выкрикивая какие-то пьяные бредни, ехали обратно. Собственно, на этом ее опыт посещения леса заканчивался. Она не имела ни малейшего понятия, как отличить чащу от окраины, как сориентироваться, с какой стороны держаться от зверей ни в Аире, ни тем более в северном лесу. Руководствуясь лишь собственным шестым чувством, на которое не слишком-то и полагалась, двигалась вперед, надеясь, что где-то она все же выйдет.

Чем глубже она пробиралась сквозь непролазную чащу, тем отчетливее ей казалось, что она никогда отсюда не выйдет. Словно воздух делался прелым и затхлым, окружающее пространство смыкалось вокруг Йолинь, а деревья становились все ближе и ближе друг к другу, и, казалось, солнечные лучи терялись где-то в их кронах, не достигая земли. Темнело, но не как ночью, напротив, принцесса продолжала видеть все вокруг, только вот краски будто выцвели. В один неуловимый миг пространство наполнилось всеми оттенками серого: антрацитовые стволы деревьев, чуть более светлая листва, невнятного землистого оттенка покров под ногами. В какой-то момент деревья расступились, и теперь Йолинь могла выпрямиться в полный рост. И несмотря на то что теперь она оказалась в сосновом бору, светлее от этого не стало. Все вокруг казалось серым, мертвым. Она шла и не слышала звука собственных шагов. Возможно, это было из-за того, что теперь вместо прелых листьев под ногами были длинные иголочки. Но Йолинь все больше думалось, что она вступила в какую-то потустороннюю сумеречную зону. Терялись звуки, не слышно было теперь ни пения птиц, ни жужжания насекомых, ни даже ветра в кронах деревьев. Исчезли запахи. Воздух стал странно пресным. Не пахло ни землей, ни хвоей. Казалось, исчезло само время, залипнув в этом странном лесу. Лишь бешеный стук ее еще бьющегося сердца и прерывистое, неизвестно как возникшее дыхание.

«Соберись», – мысленно скомандовала сама себе, стара-

ясь унять столь неуместную панику.

Не сразу она поняла, что произошло. Вдруг горло свело таким спазмом, что осознала, что не может сделать и вдоха. По пищеводу словно прошла огненная волна, которая основным ударом пришлась на желудок. Такого дикого, всепоглощающего голода она не испытывала никогда в жизни. Будто бы каждая клеточка тела, все ее мысли, все ощущения мира сомкнулись на одном самом важном и единственном имеющем значение факторе – насыщении. Она не была голодна, нет, это было больше, чем голод. Жажда насыщения всем, которая вытесняет последние остатки сознания, мыслей, желаний, оставляя лишь одну движущую силу, способную заставить организм, изнывающий в бесконечной агонии, вставать и искать.

«Боги, если вы есть, пожалуйста…» – она боялась додумать саму мысль, лишь поднялась с земли, на которую упала от неожиданных ощущений, и сделала единственное, что имело хоть какой-то смысл в ее положении. Вытянувшись струной, прижалась спиной к стволу дерева и замерла. Она, как никто другой, знала, что не убежит. Еще более отчетливо понимала, что тварь найдет ее: стоит той почуять или увидеть, она уже не потеряет след. Да и поздно уже бежать… Куда? С разбитой головой, с больной спиной? Йолинь поймала себя на мысли, что в этом странном месте она словно отстранилась от себя как от личности и воспринимает про-

исходящее сразу в нескольких плоскостях. Ей так жутко, что немеет тело, и в то же время спокойно, как никогда.

Сколько она так стояла, не сказала бы наверняка. Может быть, час, а может, всего мгновение. Он пришел неслышно, но она почувствовала его голод и боль всем своим естеством. Ощущала его приближение, знала точно, какое расстояние между ними оставалось. Считала его неслышные шаги с каждым глухим ударом собственного сердца.

Сквозь полуопущенные веки заметила, как невесомо ступает к ней высокий мужчина в давно истлевших обрывках одежды. Кожа его была знакомого серого цвета, длинные седые волосы клочьями облепили череп и паклей свисали на плечи. Он казался таким тощим, иссушенным, что толкни его – и обратится в прах. Такая внешняя хрупкость его высокого тела могла бы смутить кого угодно, но не принцессу. Она знала, как сильны его руки, как крепок их захват и какова смерть, что приходит вместе с этим существом.

Шаг, еще один, и он совсем близко, так, что она больше не может видеть его лица, а ее взгляд упирается в грудь вирга. Конечно, все, на чем могла сосредоточиться в тот момент Йолинь, были ее собственный страх и ужас от всего происходящего. Единственное, чего она не могла понять, так это почему до сих пор жива. Ей и в голову не могла прийти истинная причина того, что тварь так настороженно к ней принюхивается, вместо того чтобы напасть, утоляя свой первобытный голод.

Подернутые белесой поволокой глаза настороженно изучали представшую перед ними картину. Живое или неживое? Съедобное или нет? Слышен ритмичный стук в груди, но пахнет как земля. Не выглядит тем, что он ищет с тех пор, как существует. Но стучит так, как он любит. Но сделано из грязи. Жадно потянув ноздрями воздух, пытаясь уловить знакомые нотки пищи, тварь опустилась так, что теперь ее лицо было на одном уровне с лицом принцессы. Никакой реакции, но «неживое» смотрит, пристально изучает.

Глаза в глаза, одно дыхание на двоих. Так близко, так страшно и неумолимо, что нет сил даже вскрикнуть. Кончено? Неужели вот так все будет кончено?! Она смотрела в невыразительные мертвые глаза и понимала со всей допустимой ясностью, что это конец. Что в прямом смысле слова она посмотрела смерти в глаза. Сегодня ее жизнь завершится где-то в лесной чаще на задворках мира, ее тело станет пищей этому существу, а все, что останется, – восстанет и так же, не ведая ни усталости, ни утоления жажды, будет бродить по северным землям в поисках… чего-то, что уже не найти никогда.

Ужас, леденящий душу, неконтролируемый и неподвластный разуму, поднялся где-то в глубине души, готовый вырваться наружу, сметая все преграды на своем пути. И прежде чем Йолинь могла подавить его, пока еще было возможно, она что было силы закричала, так и не отведя глаз.

Ему казалось, что, кроме боли, голода и жажды, в мире

нет других ощущений. Он умел с ними жить. Это было нормально. Но когда «неживое-живое» закричало, пришло что-то другое. Ему захотелось бежать, так далеко, насколько хватит сил. Ему захотелось лежать и не шевелиться столько, сколько возможно, пока это не пройдет. Ему захотелось кричать и выть, и трястись, и прятаться, и не двигаться никогда! И все, что он мог, это, отпрянув, замереть на долю секунды, а после сорваться в бег.

Йолинь не сразу осознала, что его больше нет. Что тварь просто исчезла в мгновение ока, и она осталась одна в гнетущей тишине леса. Ноги ее ослабели, и девушка как-то неестественно медленно осела на землю. Так, сжавшись в клубок и все еще не веря, что жива, Йолинь заплакала. Так горько и надрывно, как не позволяла себе никогда. В этот момент она не думала ни о том, что избежала участи хуже смерти, ни о том, что будет делать дальше. Просто что-то настолько тяжелое скопилось внутри, что, не отпусти она это здесь и сейчас, уже не нашла бы в себе сил подняться.

* * *

Сказать, что дела были плохи – не сказать ничего. Все шло наперекосяк. То, что женщина оказалась в самом сердце Проклятого леса, он определил почти сразу, но больше ничего конкретного. Все его плетения не имели должного эффекта, удавалось уловить лишь общее направление, и то лишь

после того, как к стандартному поисковому заклятию приложил волосы принцессы, делая поиск более конкретным. Создавалось такое впечатление, что в момент, когда волосы оказались на гребне Йолинь, – это был один человек, а тот, кого они искали сейчас, уже несколько другой. Как такое возможно, Рик не знал, но и опрометью бросаться в неизвестность на поиски позволить себе не мог. Проклятый лес – то место, где умирают! Рик мог постоять за себя, но не за каждого в своем отряде, людей, что доверились его мастерству. Потому было принято решение сократить отряд до пяти человек, остальных отправить вместе с обозами до ближайшего селения.

– Может, она уже погибла? – несколько невнятно пробурчал Камил, один из воинов, что остались вместе с Риком.

– Нет, – кивнул тот всем присутствующим, что задавались тем же вопросом, но про себя. – Я знаю, что жива.

Они были в пути до самой ночи. Но когда с неба стали падать первые грузные капли предстоящего ливня, было решено остановиться. Рик не мог больше делать «сокращенных» коридоров, то есть открывать порталы один за одним, на пространство, находящееся в поле его зрения. Это было опасно и неэффективно, поиски не давали результатов, но и сдаваться он не собирался. Сквозь заключенный ими союз он чувствовал, что принцесса жива. В какой-то степени, несмотря на всю испытываемую неприязнь к этой женщине, он чувствовал свою ответственность перед ней. Какой бы она

ни была, но он дал свое согласие на брак, а значит, должен отвечать за нее и не имеет больше морального права просто отвернуться и пройти мимо ее беды.

На ночлег остановились почти на окраине «нормального» леса, который плавно переходил в Проклятый. Если можно так сказать, Проклятые земли были заключены в своеобразное кольцо из вполне обычного леса, древнего, давно всеми заброшенного, но пока еще нормального. И хотя даже здесь животные и растения изменились спустя века, но все же не так катастрофически и необратимо, как внутри кольца.

– Выдвинемся в предрассветный час, – сухо сказал Рик, завершая устанавливать защитный полог.

* * *

Шаг, шаг, шаг… ноги идут, и ладно. Больше ничего не имеет значения, главное – продолжать идти.

После произошедшего нахлынула странная апатия. Стало спокойно и почти хорошо. Ушли на задний план боль, усталость, страх. Все словно растворилось и осело где-то глубоко внутри, не тревожило больше. Иногда она спрашивала себя, почему продолжает идти? Как ни старалась, не могла понять смысла в происходящем.

«Идти, чтобы идти? Да, наверное, так», – в какой-то момент решила она для себя.

Царившая вокруг хмарь, казалось, замерла, не подвласт-

ная ни солнцу, ни сумеркам, ни ночи. Вокруг ничего не изменилось с тех самых пор, как Йолинь оказалась тут. Все такое же серое, выцветшее и безжизненное. Ни чувств, ни эмоций, ни звуков, ни движения.

Все изменилось как раз тогда, когда Йолинь уже почти перестала осознавать происходящее с ней. Сознание медленно, но верно отключалось. Она не замечала ни изменений в окружающем пейзаже, ни тем более не следила, куда ставит ноги. Вот как раз это-то и привело в чувство. Йолинь, в очередной раз сделав шаг, и понять не успела, как нога ушла в никуда, и она сама просто ухнула вниз. Оказалось, что причиной падения послужил высокий земляной холм с одной стороны и пологий склон – с другой. Вот с пологого склона она и слетела вниз, благо хоть не слишком высоко. Но приложилась все же знатно и опять спиной. Протяжно застонала, не в силах открыть глаза.

«Больше не встану», – подумала она, тем не менее повернувшись на бок и приоткрыв глаза, чтобы в следующий миг замереть и что-то замычать.

Она смотрела аккурат в полуоткрытую пасть, особенно хорошо были видны черный зев и множество внушительных белоснежных клыков. Прошла долгая тягучая секунда, вторая, третья, пасть не шевелилась. Не сразу Йолинь смогла прийти в себя, чтобы рассмотреть обладателя этой огромной вытянутой челюсти. Перед ней определенно лежал волк или нечто на него очень похожее. Некогда белоснежный мех был

весь в бурых разводах, вспорото оказалось брюхо. Сами размеры животного ужасали. Должно быть, в холке он достигал бы ей груди, огромная морда, такие же лапы: мощные, некогда сильные. Сейчас же зверь лежал без движения, вывалив длинный язык, у самого входа в неприметную нору. Не сразу Йолинь заметила маленькие серые комочки, разбросанные вокруг зверя, как не сразу поняла, что все это может значить. Самка и детеныши были мертвы. Скорее всего, нечто добралось до них вопреки стараниям матери обезопасить своих детей. Йолинь опустилась на колени перед зверем, почувствовав вдруг странное родство с ним. Она тоже встретилась с тем, что была не в силах победить. Боролась, но не могла отдаться полностью схватке, потому как должна была защитить их, свои маленькие серые комочки, которые дороже всего на свете… но не смогла. А Йолинь выжила, не сделав при этом ничего.

Принцесса дрожащей рукой несмело провела по некогда белоснежной шкуре, пальцы путались в густом меху. Неужели совсем скоро и она будет вот так лежать в какой-нибудь канаве со вспоротым брюхом и вывалившимся языком? От одной мысли об этом стало жутко.

Когда ощущений коснулся чужеродный голод, Йолинь замерла. Неужели опять?! Еще раз она этого точно не переживет! Но каково же было ее удивление, когда вслед за ощущениями последовал едва внятный, приглушенный писк, доносившийся из недр норы, рядом с которой лежал зверь.

На нетвердых ногах принцесса вновь поднялась и, сама толком не понимая, что делает, решительно полезла внутрь логова. Она легко могла протиснуться внутрь, перемещаясь на четвереньках. Лишь правой рукой, что совсем недавно гладила погибшее животное, пыталась ощупывать то, что было впереди, уж слишком темно было вокруг. Она как раз вытянула ладонь, когда в руку уперлось что-то мокрое и прохладное. Нос, определенно маленький носик, тщательно обнюхивал ее ладонь – и столько всего произошло в этот краткий миг для самой Йолинь. Одно прикосновение к другому существу, что своими ощущениями признавало ее как родную, свою. Именно в этот момент принцесса поняла совершенно точно: одна она отсюда не уйдет.

Она попыталась убрать руку, чтобы ухватить животное, но в этот самый момент по ладони заскользил влажный шершавый язычок. Когда-то Йолинь думала, что животные не способны ни на чувства, ни на что-то, даже отдаленно напоминающее мысли. Как же она была слепа! Чувствуя всю ту неподдельную радость, что сейчас буквально излучал щенок погибшей волчицы, она и сама не могла сдержать эмоций. Конечно, он радовался родному запаху на ее руке, пусть так. Но теперь ей ужасно хотелось, чтобы точно так же он реагировал и на нее саму. Ведь это так ценно, когда кто-то тебе по-настоящему рад, ждет и скучает. Пусть она никогда не найдет этого среди людей, неважно, зато у нее будет тот, кто всегда покажет ей свою искренность без маскарада из лживых

улыбок и холодных, ничего не значащих объятий. Конечно, при условии, что она выберется живой из этого богами забытого места. Сейчас в вымершем лесу, превратившемся за последние сутки для Йолинь в настоящую Вселенную, где нет никого и ничего живого, настоящего, она нашла искру, которая была так важна, чтобы не сбиться с пути.

– Эй Суми о[1], – шепнула она в темноту, говоря на родном языке то, что чувствовала.

Кое-как ей удалось вытащить существо из глубокой норы, из которой, по всей видимости, выбираться ему еще не доводилось. Слишком маленький, если сравнивать с его мамой. Размером с кошку, тощий и голодный, судя по тому, с какой силой заныло в животе у самой принцессы, стоило взять щенка в руки. Серая шерстка спуталась в невообразимый колтун. Щенок часто дышал, и стоило ему оказаться снаружи, тут же зажмурился и заскулил.

– Тэ кио, тэ кио[2], – зашептала она, положив руку на маленький круглый животик.

Странный порыв нежности захватил Йолинь в этот момент. Еще никогда в жизни она так не хотела о ком-то позаботиться, дать почувствовать защищенность в ее руках. На краткий миг ей показалось, что эта невероятная, щемящая сердце нежность срывается с кончиков пальцев и перетекает к маленькому существу на ее руках. Каково же было ее

---

[1] Моя Искра.

[2] Все хорошо, все хорошо.

удивление, когда она вдруг ощутила, что животное воспринимает это.

– Об этом я точно подумаю чуть позже, – негромко пробормотала она, опускаясь на колени и кладя щенка у самого выхода из норы.

Йолинь сняла жилет, что надела перед выходом из дома Рика, а следом и рубаху, после чего вновь надела его, а из рубашки наскоро соорудила своеобразную сумку, связав рукава и полы в тугой узел. Подошла к телу погибшей волчицы и провела рубашкой по густому меху, надеясь, что запах матери поможет успокоить животное…

– Нет, не животное – Суми, теперь я буду звать его так, – кивнув собственным мыслям, она продела через получившуюся сумку шею и одну руку, легко подхватила щенка, который, по всей видимости, и сам успокоился и уже мирно сопел на земле. – Неужели это из-за меня? Он почувствовал и потому уснул? – изогнув бровь, вновь заговорила она. – Неважно, сейчас совсем неважно, – отмахнулась она от собственной догадки. – Теперь мне точно нужно выбраться. Очень нужно…

И снова в путь, только теперь, когда на руках она держала чудом уцелевшего щенка, ей казалось, что она уже не имеет права на ошибку. Словно тяжесть сумки, что свешивалась через плечо, придавала сил, пробуждала доселе незнакомое чувство ответственности за чужую жизнь.

* * *

– Дальше только мертвая земля, – заговорил Саймон, подходя ближе к давно высохшим елям, что сплотились на границе еще живого леса. – Она точно жива? – спросил он, оборачиваясь к Рику, который уже спешился с лошади. Поверить в то, что человек, тем более хрупкая девушка, могла выжить в обычном лесу Севера, было уже чем-то невозможным, а если говорить о выживании в мертвых землях, то легче поверить в то, что их мир круглый!

– Да, если бы это было не так, то я бы почувствовал. Дальше придется идти пешком. Камил и Старис, вы будете ждать нас здесь, Саймон и Беррок, идете со мной.

Рик и сам с трудом верил в собственные слова. Если она до сих пор жива, то ее под руку ведут сами боги!

– Выдвинемся сейчас? – с готовностью отозвался один из братьев.

– Нет, сначала я должен определиться с направлением…

Устало потерев лоб, Рик, опустившись на корточки, положил ладони на прелую листву. Каждые несколько сотен метров он делал это, ловя угасающий след принцессы, словно с каждым часом она растворялась в окружающем пространстве. След ускользал, был неточным, но объяснения у Рика этому не было. Все, что ему оставалось, – это раз за разом пытаться отыскать его вновь, после удержать столько, сколь-

ко сможет, и опять искать.

– Надеюсь, все помнят правила перехода по мертвой земле? – на миг оторвавшись от своего занятия, спросил Рик.

Северяне коротко кивнули. Каждый из них знал, что двигаться придется быстро и тихо, никакого общения, только шаг в шаг ступать за Властителем из одного «коридора» в другой. Единственным, кто способен провести их через это место, был Рик, каждый из братьев знал это очень хорошо. Но больше всего присутствующих поражало не это, а то, каким образом маленькой слабой аирчанке удалось прожить в их лесу уже два дня? Как такое в принципе может быть?!

Спустя два часа трое северян растерянно взирали на следующую картину: на небольшой поляне, у самого своего логова, лежала мертвая тварь. Кто-то несведущий назвал бы животное волком. Огромным белоснежным, отличающимся от своих собратьев, но несомненно волком. Строго говоря, предки твари и были волками, пока в ход их развития не вмешался «эксперимент». С тех самых пор твари изменились… сильно. Полуразумные, а иногда казалось, что и поумнее самих людей, долгоживущие, не поддающиеся магическому влиянию, идеальные хищники, которых мало чем можно напугать, и уж тем более убить. Честно говоря, редко кто из обычных северян задавался вопросом изучения измененных животных. Все, чем интересовались люди, – это способами, как эффективнее всего убивать таких существ. И, если говорить до конца откровенно, все измененные были

опасны в той или иной степени. Иногда слишком умные или агрессивные, иногда – сильные и кровожадные. Уже несколько веков подряд Север занимался истреблением животных, проводились рейды по зачистке тех, кто выдвигался за пределы Проклятого леса, но на место убитых приходили другие. Благо хоть родные места большинство из них покидать не спешили, иначе страшно представить, какой катастрофой в конечном счете это обернулось бы для людей.

– Самка, – скупо сказал Беррок, кивнув в сторону таких же растерзанных тел детенышей.

– И так понятно, – фыркнул Саймон. – Какого тут делала принцесса? – обратился он ни к кому конкретно.

– Лучше спроси, почему твари сдохли, а она до сих пор жива, – все же ответил брат, в то время как Рик, вновь опустившись на колени, положил руки перед собой. Беррок говорил зло, но было это скорее от непонимания происходящего, нежели от того, что он действительно злился на женщину, которую и видел-то всего два раза в жизни. Вот только их первая встреча его до сих пор будоражила по ночам.

Саймон лишь покачал головой на реплику брата. На его взгляд, Беррок порой слишком сильно давал волю воображению. После того случая, когда братьям было велено следить за принцессой, брат побаивался этой женщины, искренне полагая, что с ней что-то не так. Порой его фантазии было не остановить.

– Сейчас это меньшее, что имеет значение, – все же отве-

тил Рик. – Нам следует поспешить, пока я еще чувствую ее и она не так далеко отсюда…

Сказав это, Рик легким жестом распахнул очередной коридор, пропуская вперед своих напарников, что шаг в шаг скользнули в указанный проход, удерживая перед собой обнаженные мечи.

* * *

– Знаешь, сейчас, конечно, в это сложно поверить, но у себя на родине я была первой красавицей, – совсем недавно щенок проснулся, и Йолинь, к собственному удивлению, обнаружила, что он прислушивается к ней. Не только к ее запаху, такое ощущение, что он пытался изучать ее. Когда ее сознания коснулось легкое беспокойство, испытываемое животным от того, что его куда-то несут, она невольно обратилась к щенку, стараясь успокоить его, и с еще большим удивлением поняла, что он слушает ее. Не то чтобы он понимал, о чем она говорит, просто вслушивался в тембр ее голоса и успокаивался. С тех самых пор она говорила с ним обо всем, что только приходило на ум. – Это здесь я больше похожа на редкого урода, – посетовала она, проводя по мохнатому боку животного. – Хотя сильно подозреваю, что для окружающих и ты не лучше. Видишь, как удачно сложилось: мы нашли друг друга – два урода, – тихонько фыркнула она. – Я знаю, ты хочешь есть, – вновь ощутив приступ голода, посочув-

ствовала Йолинь. – Я тоже, но тут совсем ничего нет, и нам нужно терпеть. Ведь когда-нибудь этот жуткий лес кончится и… ай, – вздрогнула девушка, ощутив острую боль в руке. – Ты укусил меня! – воскликнула она, но руку не отдернула, а лишь с некоторой толикой ужаса и удивления взирала, как Суми слизывает алые капли с ее указательного пальца, что совсем недавно прокусил острыми, как иголочки, зубами. – Ты что это, решил питаться мной? – Но вместо этого, слизнув несколько выступивших капель, щенок широко зевнул и открыл глаза. Ярко-голубые, такие ясные и чистые, они взирали на Йолинь, словно бы говоря с ней, будто бы открывая ей навстречу свою душу так, что она, не в силах отвести взор, остановилась и молчаливо взирала на существо в ответ.

Именно в этот момент Йолинь вдруг ощутила каким-то неведомым шестым чувством, что зверь, пригревшийся у нее на руках, таким образом признал ее, запомнил и сделал своей. Как такое возможно и что все это значит, она совершенно не понимала, но так было, и Йолинь это знала.

А уже в следующую минуту принцессу захватил целый вихрь из чужих эмоций. Сперва пришел голод… тот голод, от которого не спастись, а вслед за ним волна ужаса и паники, что раскрылась у нее на руках. Суми завозился, пытаясь вырваться из ее рук и, поддавшись инстинктам, убежать, в то время как Йолинь неожиданно для себя подобралась и успокоилась. Она обняла его так крепко, как только могла, и сконцентрировалась на собственном чувстве, представив,

что оно проникает в тело животного сквозь ее руки, грудь, к которой прижимала щенка. Со всей страстностью она желала, чтобы Суми почувствовал то же внутреннее спокойствие, что и она. Казалось, прошло несколько часов, хотя на самом деле так тянулись жалкие секунды, прежде чем животное успокоилось, а спустя всего мгновение мирно засопело у нее под сердцем.

«Неужели правда из-за меня?» – мимолетно подумалось ей, но сконцентрироваться на собственном открытии времени не было. Существо приближалось к ним с пугающей скоростью. Учуяв недавно пролитую принцессой кровь, оно стремилось насытиться и добраться до своей жертвы как можно быстрее.

Она стояла одна посреди широкой серой поляны, в месте, где мертвые сосны росли друг от друга на почтительном расстоянии, в кои-то веки не мешая путникам пройти. Бежать даже не пыталась, только лишь подняла с земли толстую ветку с острым изломанным концом с одной стороны и, ухватив ее наподобие кинжала, смотрела за тем, как на поляну одна за другой выходят человекоподобные твари. Как-то отстраненно подумалось, что в этот раз избежать уготованного судьбой не получится. Проскользнула трусливая мысль, что следовало бежать, пока была еще возможность, на которую тут же пришел ответ: возможности не было. Она помнила, как Ингвер рассказывал ей, что это за существа, как ей следует себя вести во время нападения. Тогда ей казалось,

что северянин лжет, что подобных существ просто не может быть. Как же меняется наша жизнь по прошествии лет! То, что казалось совсем недавно не чем иным, как сказкой, обернулось жестокой непредсказуемой реальностью.

Твари жадно раздували ноздри, казалось, они насыщаются одним только едва уловимым запахом, витающим в воздухе. Йолинь, лишь затаив дыхание, готовилась к тому, что ее ждет. Это была та степень отчаяния, когда ты понимаешь, что бежать больше некуда, а просто сдаться у тебя нет права. Здесь и сейчас ты умрешь, и все, что тебе остается, – это только выбрать: встретишь ли ты смерть лицом к лицу или она настигнет тебя – ударив в спину.

В одно неуловимое мгновение все изменилось. Как и откуда на поляне возникли новые действующие лица, Йолинь так и не поняла. Ее просто схватили за шиворот, как маленького нашкодившего котенка, и перекинули за широкую спину – и в этот же момент все перед взором принцессы смешалось в один невообразимый вихрь из криков, ударов, звона металла. Твари двигались молниеносно, и хотя их было всего три, но они могли дать фору целому отряду специально обученных воинов по силе и скорости.

Йолинь шокированно смотрела на развернувшуюся бойню, прижимая к груди сумку, в которой находился щенок, и медленно ступала назад. Нет, она не стремилась убежать, но и не хотела мешать тем, кто пришел ей на помощь. А то, что это был ее собственный муж и те двое, что так незадач-

ливо подсматривали за ней накануне свадьбы, она уже поняла. Рик двигался быстро. Каждое его движение принадлежало мастеру: экономичное, быстрое и смертоносное. Он не разменивался на красивые выпады, не растягивал атаки. У него была цель – и всего два движения для ее достижения. Быстро, так, что принцесса не успевала понять, что происходит. Лишь взмах блестящей стали – и тело кулем оседает на серую безжизненную землю, и тут же она замечает, как отдельно падает голова, задорно подпрыгивая на кочках. Сделав глубокий вдох, Йолинь прикрыла веки, чтобы подавить приступ тошноты. Чтобы не видеть, как густая черная и вонючая жижа вытекает из обезглавленного тела.

Все закончилось быстро. Правда, самой принцессе все еще чудился звон металла и звук ломаемых костей. Может, и не было ничего такого, возможно, все было плодом ее воображения – она не знала и думать об этом не хотела. Как и боялась открыть глаза в воцарившейся тишине.

Рик быстро оценил обстановку. Твари мертвы, его отряд не пострадал. Принцесса… Он быстро обернулся и тут же замер, не находя в себе слов для того, чтобы описать увиденное. Она казалась такой маленькой, хрупкой, словно ребенок. От принцессы, которую он знал и помнил, в облике девушки не осталось ничего. Казалось, ее лицо, тело, одежда – все покрыто толстым слоем грязи. Брюки были разорваны на коленях. Рубашка и вовсе отсутствовала, открывая взгляду руки, черные от слоя грязи, что застыла на них, и похожие

на тонкие веточки. Словно прикоснись он к ним, и они тут же сломаются от одного неверного движения. На шее принцессы была подвешена странного вида сумка, и стоило Рику обратить на нее взор, как что-то внутри зашевелилось. А Йолинь в тот же миг накрыла ее рукой и притянула к себе ближе. Решив, что главное сейчас не это, он вновь обратил свое внимание на принцессу. Внутри что-то болезненно сжалось. Странное чувство… новое или давно забытое? Дискомфортное, как он сам охарактеризовал бы его для себя. Саймон и Беррок так же не без удивления и шока разглядывали принцессу, что почти два дня провела в Проклятом лесу и оказалась жива и невредима. Вот только выглядела она как Земляной человек[3].

– Вы в порядке? – нарочито тихо заговорил Рик, делая шаг в сторону принцессы. В конце концов, какая бы она ни была, но это не искореняло в ней женщину. И невзирая на то, что смотрит она на них сейчас так, словно они ее от приема в резиденции Императора отвлекли, но, может, и не значит это, что она на самом деле в порядке. Ему вдруг стало ее жаль. Сам от себя не ожидая такой реакции, Рик сильно смутился.

И в то же время не мог с собой ничего поделать. Грязная, едва стоящая на ногах, пережившая две ночи в лесу, где бродят твари, которых и сильным вооруженным мужикам не приведи боги встретить. А она выжила, прошла Проклятый

---

[3] Герой сказок и легенд Севера, существо, обитающее на болотах и порожденное самой землей, чтобы хранить ее богатства. # *Примеч. автора.*

лес насквозь и выжила! Даже не вскрикнула, оказавшись лицом к лицу со смертью. Иная баба бы орала на весь лес, но… не его Йолинь. От последней мысли Рик и вовсе стушевался и решил, что лучше ему вообще подумать о чем-нибудь еще и осмотреть принцессу, а то всякая ерунда в голову лезет.

Он сделал еще один шаг по направлению к Йолинь, в то время как девушка вздрогнула всем телом, открыла глаза и посмотрела прямо на Рика.

– Я… – как-то слабо промямлила она, – я… – Глаза девушки подозрительно заблестели, она попыталась удержать рвущиеся наружу слезы, но вместо этого лишь как-то по-детски хрюкнула и разревелась уже в три ручья. Чего сама от себя не ожидала Йолинь, так это того, что отголоски сочувствия, заботы и где-то даже жалости, исходящие от супруга, так ее заденут. Вдруг стало так жалко – и не кого-нибудь, а саму себя, так отчаянно приятно, что за нее переживали. Пусть и несильно, но хоть чуть-чуть! Хоть капельку волновались! Приняв все эти эмоциональные посылы, удержаться она уже не могла и, сглотнув сначала один болезненный ком в горле, следом другой, сделала то, что не могла бы себе и представить. Разревелась, так по-детски и открыто, да еще и, ухнув с разбегу, обняла Рика за пояс и уткнулась ему головой куда-то в живот.

Сам северянин стоял точно громом пораженный. Широко расставив руки и моргая через раз, он в принципе не знал, что ему делать в этот момент. С трудом понимая, что твори-

лось в душе у него самого, он и тем более не мог понять, как утешать ревущую в три ручья ледяную даму, как он привык думать об Йолинь.

– О, ну началось, – буркнул Беррок, отводя взгляд от развернувшегося действа и осматривая оружие, что сейчас было вымазано в крови вирга.

– Может, лучше не смотреть? – зашептал ему на ухо Саймон. – Я слышал, что у них в стране принято травить тех, кто видел члена императорской семьи в неподобающем виде.

– Я и не смотрю, а вот ты продолжаешь… хотя, если подумать, нас следовало уже два раза трануть.

Саймон довольно хрюкнул в ухо Беррока, вспоминая их первое знакомство с принцессой, на что получил выразительный тычок в плечо от брата.

– Всю шею обслюнявил! – чуть громче возмутился Беррок.

В жизни Рика так давно не было человека, которому требовалось бы его сочувствие, поддержка, что он еще какое-то время не мог сообразить, что следует делать.

А после, сам не понимая, откуда появился этот порыв, решительно подхватил принцессу на руки, краем сознания отмечая, что она легче пушинки, и открыл портал перехода сначала к окраине Проклятого леса, где находились Камил и Старис, а уже потом к пограничной деревне своих земель, где должен был поджидать его возвращения остальной отряд.

Он держал ее на руках, бережно и аккуратно, испытывая в этот самый момент странный и непонятный трепет. Она же сжалась в комок, боясь лишний раз шевельнуться. Было и стыдно – за собственную слабость, и страшно – оттого… если честно, она и сама не понимала, почему вдруг испытывает нечто похожее на страх, но скорее это было волнением из-за того, что оказалась на руках у почти незнакомого мужчины. А еще, стоило им выйти из первого портала, она вдруг поняла, что чувствует себя защищенной. И столь острым было это ощущение, после того как несколько дней она провела, ходя по лезвию ножа, что Йолинь сама не заметила, как веки отяжелели, руки посильнее прижали к животу ее драгоценную ношу, и она провалилась в глубокий успокоительный сон.

На этот раз сквозь портал они прошли безо всяких проблем. И Рик до сих пор не мог понять, что же пошло не так в первый раз? Почему все его настройки просто выбило из заданной схемы? Невольно задумавшись об этом, он вскользь бросил взгляд на притихшую в его руках принцессу. И не поверил собственным глазам. Уткнувшись носом ему под мышку, Йолинь сладко спала. Да, сегодня и впрямь был день открытий для него. Он так привык видеть ее холодной, неприступной, идеальной, что стоило ей лишь немного обнажить перед ним свою человечность, слабость, как он растерянно смотрел на нее и уже не знал, кого держит в своих руках. Где та, на ком несколько дней назад его заставили жениться? Где эта женщина-скала, готовая перерезать глот-

ку любому, кто встанет у нее на пути? И что это за маленький чумазый зареванный человечек, что столь доверчиво прижался к его груди?

– Идем, идем, чего расселись! – недовольно пробасил у него над ухом Беррок, обращаясь к другим членам их небольшого отряда, что терпеливо ожидали их возвращения на окраине Проклятого леса. – Ну, ты и отожрался, Старис, уж и задницу не можешь оторвать! – еще громче сказал он.

– Не ори, – шикнул на него Рик и тут же прикусил язык. Это еще что? Он теперь еще и о ее сне печется?! Только этого не хватало!

Встряхнув головой, отгоняя совершенно идиотские мысли и сосредотачиваясь на построении нового портала, Рик просто отошел ото всех подальше и решил, что лучше ему помалкивать. Сегодня он явно не слишком хорошо соображает.

Они оказались на окраине деревни, когда солнце уже клонилось к горизонту. Каждый из мужчин чувствовал и усталость, и удовлетворение от того, что им удалось вернуть девушку законному мужу живой и относительно невредимой. Странное дело, каждый из них знал, в чем виновна эта женщина. Но сейчас, зная, что она самостоятельно просуществовала в их лесу двое суток, они невольно начинали испытывать уважение к ней. Не каждый здоровый мужчина не побоится войти туда, что ни говори, и не каждый сумеет выйти. Лес не прощал слабости и малодушия. Он готов был сожрать

любого за малейшую ошибку, лишний звук или неосторожность. Она же одна прошла до самого его сердца, и это не могло не поразить тех, кто знал, что это место из себя представляет.

Деревня хотя и считалась окраиной Грозового Перевала, но была довольно внушительных размеров. Добротные деревянные дома, широкие ухоженные дворы, люди, которые привыкли вкалывать на своей земле. Правда, было одно «но». Мужчины, которые привыкли жить, работая на земле, были обязаны раз в пятьдесят лет менять свое место жительства и перебираться в другие поселения. Делалось это для того, чтобы избежать кровосмесительных браков и отношений, особенно в маленьких поселениях. Споров относительно данного закона не возникало. Все понимали, что это необходимо и так будет правильно. Обычно мужчины либо менялись домами, оставляя уже выросших детей на прежнем месте жительства, либо же продавали все нажитое и уезжали на новое место. И как бы ни старался Совет контролировать прирост населения, но женщин было гораздо больше мужчин. Многие из них были вынуждены прозябать в девках долгие и долгие годы, и это было еще одной проблемой, с которой столкнулся Север благодаря проведенному столетия назад эксперименту. Потому и были одобрены разводы спустя десять лет от заключения формального брака. Отваживались на подобное не все, но те, кто все же решался, знал, что, взяв в жены другую женщину, имеет право завести не

более одного ребенка. Север вымирал. Это чувствовали особенно остро именно мужчины. И если умирал один из них – это было великое горе для всех. Не потому, что северяне верили, что мужчины лучше женщин, вовсе нет. Просто это был еще один верный шаг на пути к вымиранию их нации. Именно поэтому многие из тех, кто не знал Йолинь лично, но был в курсе совершенного ею поступка, испытывали глухую, ничем не прикрытую ненависть к ней. Она помогала уничтожить их общее будущее.

Зная все это, Рик распорядился известить глав всех поселений на своей земле, чтобы они проконтролировали общественные настроения в деревнях – во избежание, так сказать.

Их не встречали шумной толпой, как это было обычно, когда Властитель Грозового Перевала заезжал к ним с визитом. Напротив, казалось, что деревня вымерла. Лишь от дома старосты выдвинулись несколько человек встречающих. Две женщины и сам глава. Женщинам на вид было глубоко за сорок, мужчина же выглядел лет на тридцать, правда, из-за окладистой рыжей бороды казался несколько старше.

– Здравия тебе, Властитель, и мира над небом твоих земель, – по старому обычаю поздоровался глава деревни.

– И тебе, Вилькар, – скупо ответил Рик, осматривая деревню, проверяя состояние охранных плетений, что устанавливал тут еще по осени. – Где мой отряд?

– Всех разместили на постоялом дворе.

– Хорошо, – кивнул Рик, поудобнее перехватывая на ру-

ках мерно посапывающую принцессу, которую и не было видно, потому как перед тем, как войти в деревню, он почти с головой накрыл ее плащом. – Сейчас мне нужно встретиться с ними, после приду к тебе сам. Поговорим.

– Как скажешь, – согласно кивнул Вилькар, которого Рик знал уже более ста лет и с которым у него были довольно приятельские отношения.

Но сейчас, представляя в общих чертах, что именно потребовал Совет от их Властителя, люди были напряжены, не понимая, чего ожидать от таких перемен. Чем грозит им, простым жителям Грозового Перевала, женитьба Рика на чокнутой аирчанке или просто ведьме, как называли ее между собой деревенские бабы. Женись Рик на нормальной северянке, сейчас гуляла бы вся деревня! Молодых встречали бы песнями, обрядовыми молитвами и общим застольем. Жгли бы костры до самой зори, делали бы подношения богам, желали бы им долгих лет, здоровых детей и переплетения судеб в одну нить, которую не разорвать – не запутать. Но люди из отряда Рика ясно дали понять, что ничего из этого не нужно. Рассказали они и о том, что приключилось с Йолинь во время перехода, и неизвестно еще, удастся ли вернуть женщину целой и невредимой. Потому Вилькар серьезно поговорил с деревенскими, что жили под его началом, и строго-настрого запретил донимать Рика и его отряд, когда те прибудут с невестой или без. Сейчас глава с интересом присматривался к ноше, что держал на руках Рик, но вслух спросить так и

не решился. Не при бабах, подумал он про себя и, коротко кивнув другу, позволил тому продолжить путь.

Йолинь пришла в себя как раз, когда они подходили к недавно отстроенному постоялому двору, где в этот час было шумно не только из-за того, что в нем расположился целый отряд, но и потому, что одно дело, сказать не глазеть на избранницу Властителя и не затруднять им проход до места ночлега – но поди запрети целой ораве молодых и не очень девок сходить на постоялый двор «по делам». А одних же девок не отпустишь на ночь глядя, стало быть, и главам семейств следовало сопровождать своих жен и дочерей. Вот и оказалось, что вокруг небольшого постоялого двора собралась настоящая толпа «ну очень занятых баб с сопровождением».

– Я уж и впрямь испугался, что нынче женщины стали послушны, – буркнул Саймон, оглядывая царившее вокруг безобразие.

– Да уж, – согласно кивнул Беррок.

Перед входом в невысокое, всего в два этажа, строение толпа рассредоточилась на кучки по возрастам и интересам. Были тут и совсем еще маленькие девочки, которым было интересно поглазеть на заморскую принцессу; девушки, которым хотелось не только посмотреть на жену Властителя, но и покрасоваться перед членами отряда Рика в своих лучших одеждах; а были и совсем взрослые женщины, цели у которых было две: присмотреть за дочерьми и набраться сплетен

на предстоящие недели.

– Что происходит? – слабо зашевелилась Йолинь на руках Рика, а вместе с тем, как в себя пришла она, заерзал и Суми у нее на животе. который порядком проголодался, и усыпить его в нынешнем состоянии Йолинь бы уже не смогла.

– Лежите спокойно, – скупо отозвался Рик, также ощущая подозрительное ерзанье на своих руках. – Не стоит им показывать вас сейчас.

Он легко преодолел расстояние между собравшейся толпой и входом на постоялый двор. Видя, как решительно двигается Властитель, не каждый человек отважился бы преградить ему путь. Люди расступались, словно невидимый нож разрезал собравшуюся толпу, еще до того как Рик приближался к ним. Стоило оказаться под крышей постоялого двора, как Рик и его люди были тут же окружены мужчинами из его отряда. Сюда хозяин заведения не пустил ни одного из обитателей деревни, за что Рик был крайне признателен ему в душе. Так же, как и остальные члены отряда, которые искренне считали, что нет ничего хуже в мире, чем любопытствующая баба. Или сотня любопытствующих баб разных возрастов.

– Вы нашли ее? – взволнованно спросил Силай. Мужчина выглядел лет на сорок, но при этом обладал статью и осанкой, которая не у каждого юного воина может быть.

Рик коротко кивнул, ища взглядом хозяина постоялого двора, и обратился уже к нему.

– Нам нужны комнаты, еда, и вели затопить баню, – обозначил он самое необходимое, борясь с желанием просто подняться наверх, ввалиться в первую попавшуюся спальню и уснуть. – Поговорим, когда я отнесу принцессу в ее комнату, – обратился он к своим людям, уже поднимаясь по лестнице.

В этот самый момент тишину, в которую на миг погрузилась таверна, прорезал немного приглушенный писк. Рик не сразу понял, что источником звука является он сам, а точнее – то, что он держал на руках. Йолинь вдруг стало страшно. Тяжелыми волнами волнение заполняло ее сердце, она прижала Суми еще крепче, боясь того, как отреагируют на него собравшиеся люди. У нее было достаточно времени подумать над этим, и она все отчетливее осознавала, что ко всему, что живет в Проклятом лесу, северяне относятся с нескрываемой ненавистью и страхом. Что уж говорить о том звере, который был у нее на руках. Йолинь думала, что лучше бы сначала поговорить о Суми с Риком наедине, чем показывать его всей собравшейся толпе, а потом пытаться отстоять его жизнь перед целой кучей вооруженных мужиков! Но про себя девушка уже решила, что Суми не отдаст и, чего бы это ни стоило, вред причинить своей Искре она не позволит! А уж если принцесса Аира что решала, то весь Север был в курсе, что от своего «бешеная баба» и по совместительству «ведьма» не отступит.

– Что это? – Рик резко откинул плащ, которым была укры-

та Йолинь от посторонних глаз, и не поверил своим глазам, когда увидел, как на животе у девушки, в сумке, сделанной из ее рубахи, что-то яростно шевелится. При этом под плотной тканью слышался странный писк. Принцесса накрыла сумку руками, словно защищая ее содержимое от Рика, и вперила полный решимости взгляд прямо в северянина.

Рик осторожно опустил принцессу на ступеньку перед собой и жестко сказал:

– Откройте.

В его голосе не было ни гнева, ни раздражения, лишь холодная решимость и недозволение ослушания.

Йолинь глубоко вдохнула, немного поежившись под взглядами собравшихся мужчин, которые с трудом узнавали в грязной с головы до ног девочке принцессу Аира. Она боялась открыть сумку и не суметь постоять за существо, за которое решила нести ответственность. И в то же время понимала, что прятать Суми у нее не получится, тут как ни крути.

Стараясь унять дрожь в руках, которая появилась в них именно из-за усталости, как убеждала себя принцесса, она неловко стянула сумку через голову и развела ее края.

Рик не мог поверить собственным глазам. В сумке его жены сидела маленькая тварь. Потомок той, что они нашли убитой в лесу, совсем еще крошечный. Он жалобно скулил, перебирая передними лапами, и жался спиной к животу принцессы.

– Что это? – не скрывая отвращения в голосе, спросил

Рик, вынимая короткий кинжал из-за голенища высокого сапога. – Зачем вы притащили с собой эту тварь?

Принцесса, несмотря на испытываемый страх перед сильным мужчиной, сдаваться и тем более показывать слабость перед ним не собиралась. Откуда взялась эта сила и решимость в измотанном теле, она и сама не знала. Но крепче притянула к себе щенка, краем глаза заметив, как заволновались люди, находящиеся в таверне.

– Даже не думайте использовать это, – цедя каждое слово сквозь зубы, сказала она, чувствуя всю решимость северян уничтожить маленькую угрозу.

– Вы хотя бы понимаете, что это за тварь? – с трудом не срываясь на крик, зло бросил Рик.

– Он мой, – еще более решительно ответила принцесса, ловя тяжелый взгляд Рика. Казалось, на самом дне его глубоких глаз зарождалась буря, и от этого ей невольно становилось страшно. Но будь она проклята всеми богами, если покажет ему это. Она потомок дома Мэ, ее предки никогда и никому не позволяли возвыситься над собой, не позволит и она.

– Если вы думаете, что я позволю вам внести тварь в мой дом, вы глубоко ошибаетесь, – Рик не собирался отступать, ему все было понятно без лишних слов. Тварь хороша только мертвой, исключений нет!

– Я всегда могу избавить вас от своего присутствия, но Суми останется со мной.

Глаза в глаза, на дне которых разверзлась буря и беспроглядная бездна, чернее которой просто нет. Они смотрели друг на друга, и ни один из них не желал отступать. Йолинь чувствовала решимость Рика и впитывала ее словно губка, усиливая и невольно переливая ее же в него. И так по замкнутому кругу. Напряжение, возникшее на постоялом дворе, не могли не почувствовать и остальные собравшиеся внутри люди. Но вмешиваться никто не пытался. Казалось, скажи кто-нибудь хоть одно неосторожное слово – и этой искры будет достаточно, чтобы все здесь полыхнуло.

Не сразу к Йолинь пришло осознание происходящего. Но постепенно она стала ощущать нарастающее напряжение в комнате. И опять пришло понимание, что тому причиной ее способности. Она словно преумножала впитываемые эмоции и свои собственные и вливала их в окружающее пространство.

Еще принцесса поняла, что таким образом желаемого ей не достичь. Слишком сильным было это напряжение, и слишком непредсказуемыми могли быть последствия. Смотря, как у Рика начинают подрагивать пальцы рук от едва сдерживаемой ярости, как напряженно вслушиваются в их диалог собравшиеся на первом этаже северяне, готовые в любой момент выхватить из ножен свои клинки и решить все по команде Властителя, она глубоко вздохнула, поняв одну простую вещь, что если не сумеет переменить общий настрой ради Суми, то потеряет его здесь и сейчас. Ей не справить-

ся со столь явным физическим преимуществом, что было у Рика.

Всего на мгновение прикрыв глаза, она вспомнила сразу несколько случаев из своей жизни, воскрешая те эмоции, что вызвали они тогда. Придавая им былую яркость, позволяя им просачиваться сквозь ту бурю, что была готова вот-вот разразиться на постоялом дворе. Откуда ей пришла мысль о том, что это может сработать, она и сама толком не поняла, но решила попробовать. Если ее догадки были верны, то все непременно должно было получиться!

Так, один за другим, приходили образы былого. Первое, что раскрыла она в своем сердце, было сродни черной воронке, которая опустошала его. Высасывала все: волю к жизни, страх, боль, остатки счастья и простое и такое примитивное желание цепляться за реальность. Опустошение. Глубже и темнее любой бездны, что пришло к ней вместе с первыми шагами в новой жизни. Оно длилось для присутствующих всего долю секунды, но вытянуло из каждого и гнев, и ненависть, принося с собой странную, неподвластную разуму усталость. Каждый из мужчин в зале таверны почувствовал это, словно невидимая рука просто выскребла из сердца все яркие эмоции, вытянув любые стремления.

Секундой позже пришла надежда, такая яркая и безотчетная эмоция, словно позолотила тьму внутри. Йолинь помнила ее первый проблеск, который разделила вместе с Дэй. Тогда она только начинала ходить. Руки и ноги слушались ее

с трудом, и каждое движение приносило лишь боль и всепоглощающую усталость. Все затмевала пустота внутри. Не хотелось жить, не хотелось думать, не верилось, что когда-то она сумеет пожелать всего этого вновь. Тогда Дэй пришла в ее комнату на рассвете, помогла ей встать и одеться, а после открыла портал. Они вышли и оказались на краю скалы.

– Не хочешь – не надо, – холодно сказала Дайли, – здесь тебе никто не помешает закончить все это. Вперед, – кивнула она на скалистый обрыв, у подножия которого с шумом разбивались волны океана.

Йолинь сделала несколько неловких шагов в указанном направлении, намереваясь и впрямь довершить начатое до конца, тем более, когда никто не стал бы ее останавливать. Именно тогда она полюбила рассвет. Когда серую хмарь горизонта прорезал сперва один ярко-алый луч, затем другой. И вдруг серое стало золотым, налилось ярким багрянцем, заполняя мир красками, словно вдохнули в него жизнь, все обрело смысл и совершенно необычайные очертания. То, что всего мгновение назад было всего лишь серым, вдруг стало волшебным.

– Некоторые вещи можно понять, лишь когда готов увидеть их суть, – сказала Дайли, подходя к ней ближе со спины. – Разве раньше это не было всего лишь началом нового дня, а сейчас вдруг стало несоизмеримо большим, м? Разве не похожи предрассветные сумерки у тебя в душе на то, что произошло сейчас? Не мечтаешь ли ты о том, что вот такое

же яркое солнце взойдет и у тебя внутри и развеет мрак?

Йолинь невольно всхлипнула, признавая правдивость слов Дэй. Тогда Тень сделала еще один шаг, обнимая ее за плечи и говоря уже совсем тихо:

– Ко всему можно прийти, если продолжать идти, Йолинь. Но стоит опустить руки, забыться в собственной печали и горе, как ты утопнешь в этом, словно в болоте, и никто и никогда не увидит солнца, встающего для тебя. То, как оно преобразит твою изуродованную погасшую душу в нечто прекрасное, от чего уже не отвести взгляд.

– Разве такое возможно? – несмело спросила Йолинь, боясь, что Дэй скажет ей «нет», и ужасно желая услышать «да».

– Возможно все, чему ты позволяешь случиться с тобой, – все так же тихо прошептала Дайли.

Именно это волшебное чувство, что дало внутри Йолинь росток в тот день, она подарила окружающим всего лишь на краткий миг. Рик и сам не понял, что с ним произошло. Вдруг схлынула все затмевающая ярость и пришло странное спокойствие, а потом он вдруг встретился взглядом с необыкновенно голубыми проницательными глазами щенка. В них не было ни гнева, ни злобы, ни хищного расчета, а был лишь страх. Зверь боялся его и жался к животу той, что признала его. И вдруг к Рику пришло осознание еще чего-то более невероятного, ему захотелось дать шанс. Иррациональное, совершенно невероятное желание, которое с каждым вдохом все сильнее укреплялось где-то в сердце. Он

не простит себе, если сейчас воткнет клинок в мягкое розовое брюшко.

«Да как же так?!» – отчаянно продолжал вопить рассудок, но эмоции внутри словно взбунтовались против собственного хозяина. Все сильнее накатывали они на бастион его решимости, подминая под себя все звуки разума. Такого с ним раньше никогда не происходило! Сострадание, забытое им столетия назад, вдруг настигло его здесь и сейчас. В горле внезапно возник болезненный ком.

«О боги», – про себя охнул северянин, с ужасом понимая, что еще пара минут, и он начнет рыдать, как девица на выданье.

Первым прослезился Беррок: тому вдруг тоже стало жаль щеночка. Неуклюже смахнув неуместную влагу с уголков глаз, он покосился на брата, который подозрительно часто моргал.

Йолинь же с ужасом видела, что эффект превзошел все ее ожидания, и пыталась сбавить обороты, приглушив посылаемые волны эмоций, – только не хватало, чтобы целая орава мужиков начала рыдать и сюсюкать, какой у нее милый щеночек!

– Хорошо, – не веря собственным ушам, скупо сказал Рик. – Но т-тварь, – вдруг с трудом произнес он это слово, бессознательно признавая, что щеночек… очень милый, – остается целиком под вашу ответственность, – сказав это, северянин решил, что ему померещилось, будто в комнате по-

слышались полные облегчения вздохи. – Если он навредит кому-то, то отвечать по закону Севера будете вы, согласны?

– Да, – хрипло ответила Йолинь, с трудом борясь с отдачей, что пришла после устроенного ею. Хотелось прижать Суми посильнее и плакать от умиления, какой же он милый щеночек! К слову сказать, ее порыв разделяла добрая половина северян, что была особенно впечатлительной. – Где моя комната? – сказала принцесса, прикусив нижнюю губу, которая вдруг начала подрагивать.

– Я провожу, и комната – наша, – сказал Рик, беря Йолинь под руку и уводя наверх.

Йолинь, несколько ошарашенная подобным заявлением, безропотно пошла за мужем и уже наверху, где их никто бы не смог услышать, переспросила:

– Наша?

От Рика не укрылось то, с каким замешательством спросила она это. Злясь на себя за проявленную слабость прежде, он лишь коротко кивнул, не вдаваясь в подробности о том, что даже в бессознательном состоянии не намерен прикасаться к принцессе как муж к жене.

– Свободных мест почти не осталось, и нам придется разделить постель на эту ночь, – пояснил он, опять же говоря лишь то, что посчитал нужным. Пусть и она помучается, раз так сильно терпеть его не может.

Будучи не в своей тарелке от принятого решения, он решил тут же отправиться в дом главы, чтобы обсудить сло-

жившуюся ситуацию в этих землях. Участились нападения виргов, правда, пока они лишь осмеливались ходить вокруг деревни и «пробовать» защиту. Но если будет продолжаться в том же духе еще хотя бы неделю, то нападения не миновать. Любой мужчина Севера имел дома оружие и готов был постоять за свою семью, но не каждый бы выжил в такой схватке. Потому поддержка Властителя расценивалась как некоторая гарантия того, что все уцелеют. Во всяком случае, жертв точно будет меньше.

Йолинь вошла в комнату, когда Рик ушел, бросив на прощание, что будет вечером. Предаться унынию или выплеснуть скопившиеся эмоции ей помешал голод. Она хотела не просто есть, она была зверски голодна, как и ее маленький друг, что едва стоял на ногах. В дверь постучали. Йолинь настороженно замерла, сама не зная, чего опасаясь, но все же открыла.

– Ах ты ж, мать моя женщина! – на пороге возникла плотного телосложения женщина средних лет. Гостья обладала тяжелой золотой косой толщиной с руку, румянцем во всю щеку и прозорливо-озорными голубыми глазами. – Я Венцеслава или просто Веня, – поздоровалась она и начала протискиваться в небольшую щель приоткрытой двери. – Ну что я, ветром надутая? Открой пошире – не пролезаю, – возмутилась она, когда Йолинь ошарашенно замерла, не находя в себе сил пошевелиться. Женщина была самим воплощением благодушия и заботы, именно это исходило от нее

столь сильно, что принцесса подчинилась и чуть отстранилась, пропуская ее внутрь комнаты. – Вот, поешьте, – кивнула Веня на поднос, что держала в руках. – А потом мыться, даже не спорь!

Честно сказать, Йолинь и не собиралась возражать. Тело ее давно уже чесалось и зудело, и она была согласна даже на то, чтобы ее исходили веником, лишь бы избавиться от грязи.

– Я давно работаю на Властителя, – сказала Венцеслава, – и сюда прибыла, чтобы тебе помогать, – без обиняков перешла женщина на «ты». – Так что можешь не стесняться, если что, обращаться. Ой, – вздрогнула всем телом Веня и вперила свой взор в щенка, что кое-как выбрался из сумы и, жадно раздувая ноздри, принюхивался к принесенному ею угощению. – Это он, да? О котором мужики все наши судачат?

– Да, – кивнула принцесса, подсознательно готовясь постоять за щенка, хотя от женщины не исходило никакой агрессии по отношению к Суми.

– Тварь, конечно, но все-таки дите, – вздохнула новая знакомая. – А посему пока невинное, – покачала она головой, беря с подноса крынку с молоком и пустую глиняную миску. – Иди сюда, страшилище, пожри, что ль, – хмыкнула Венцеслава, наполняя миску молоком и ставя ту на пол.

Суми тяжело поднялся на ослабевшие от долгого путешествия без еды и воды ноги и кое-как поковылял к предложенному угощению. Тщательно принюхался и неуклюже ткнул-

ся носом в содержимое чаши, по всей видимости не понимая, как именно следует есть.

– Ох, – жалостливо вздохнула женщина и посмотрела на Йолинь. – Видать, совсем еще крошка, не умеет лакать…

– И что же делать? – несколько растерянно спросила принцесса, не имея ни малейшего понятия, как обращаться не то что с большими животными, а уж с малышами и подавно.

– Придется тебе его кормить и учить, – покачала головой Веня, в то время как брови ее сошлись на переносице. – Даже не знаю, попробуй макать палец в молоко и давать ему, – похоже, женщина была столь же растерянна, как и Йолинь. – А я пройдусь по деревне, может, найду какую кормящую суку, хотя вряд ли она его к себе подпустит, но вариантов у меня больше нет, – пожала женщина плечами.

– Веня, – несколько нерешительно заговорила Йолинь, поскольку для нее все еще было сложно вот так запросто переходить на тот уровень общения, когда опускались все формальности. – Давай попробуем, пожалуйста, – попросила она, произнося эти иностранные слова с особой заминкой, будто с трудом.

Женщина серьезно кивнула, бросила на Суми жалостливый взгляд и сказала:

– Я пойду тогда. Там баню затопили, так что, как его покормишь, иди мойся, как приду, сама тебя найду.

– А как же Суми…

– Кто?

– Он, – кивнула Йолинь в сторону щенка, что безуспешно пытался подступиться к чаше с молоком.

– А че с ним станется? – фыркнула она. – Нажрется, да и уснет, дите ж все-таки. Ладно, пойду я, – буркнула женщина.

Йолинь скупо улыбнулась, смотря, как за ней закрывается дверь. Совершенно непостижимым образом принцессе очень понравилась эта излишне болтливая и простодушная женщина. Когда-то давно, еще в прошлой жизни в Аире, Йолинь бы точно не оценила качеств Вени. Но не сейчас, когда, стоя рядом с этой женщиной, она чувствовала искреннюю заботу, жалость, участие. Такие порой раздражающие эмоции, тревожащие гордость, оказались на удивление теплыми и редкими. Раньше Йолинь думала, что нет ничего хуже жалости окружающих. Тогда она не знала, что по-настоящему жалеют сердцем, отдавая свое тепло. И как это ценно, когда к тебе проявляют участие. Безразличие хуже, оно холодно, как снега Севера. Ненависть – обжигает. Сочувствие несет успокоение. А жалость – греет.

Какое-то время Йолинь задумчиво всматривалась в закрывшуюся дверь, отчаянно желая… надеясь, чтобы у нее был вот такой друг, как Веня. Что однажды будет согревать ее еще сильнее, если она станет для нее не просто прохожей. Но заметив, как мается вокруг чаши Суми, решительно взяла щенка на руки, окунула мизинец в молоко и поднесла к маленькой пасти животного. «Как же мне заботиться о тебе, когда о себе-то не в состоянии?» – тоскливо подумала она, в

то время как Суми решительно обхватил предложенный палец.

Рик вошел в дом Вилькара, когда на деревню опустились сумерки. На душе у него было неспокойно и тяжело, и все из-за женщины, что по воле насмешницы-судьбы стала его Истинной супругой. Если сначала он злился, потом пришло смирение, мол, пройдет лет пятьдесят, и природа сама избавит его от нее, то сейчас он думал о том, что эти пятьдесят лет надо еще пережить рядом с ней. А как это сделать, если он терпеть ее не может? Если его бесит само ее присутствие рядом с ним? Не говоря уже о том, что как женщина она и вовсе его не интересует. Кожа да кости, какому нормальному мужику такое приглянется? Ну да, внешность у нее необычная, оттого в чем-то интересная, но как быть с тем, что она собой представляет как человек?! Хотя последнее время Рика все чаще одолевали сомнения и на этот счет. Словно шаг за шагом длиною в миллиметр ему приоткрывалась непроницаемая тяжелая дверь под именем Йолинь. И каждый раз, стоило ему совершить одно маленькое открытие, эта самая «дверь» захлопывалась у него перед самым носом и больно била прямо в лоб. С принцессой было тяжело. Обычно он не ходил за женщинами, редко когда ему приходилось проявлять изобретательность, чтобы получить желанную северянку. Он никогда не влюблялся, не старался ради чьего бы то ни было внимания, а просто получал желаемое.

Женщины находили его привлекательным внешне и весьма привлекательным в плане его положения в обществе Севера. Он не возражал против взаимовыгодного «сотрудничества». Пожалуй, Марсия была его постоянной женщиной уже на протяжении нескольких лет, и его это устраивало. Она занималась домом, удовлетворяла его в постели и никогда не претендовала на место единственной в его жизни. По крайней мере, открыто не претендовала. Как она отреагирует на Йолинь, Рик не знал. И если уж быть до конца откровенным, он и не хотел знать. Сейчас были проблемы куда важнее, чем страсти сердечные. Источник был уничтожен. И это было хорошо. Но вместе с тем пришли и новые напасти в земли Севера.

В свое время Ингвер для стабилизации своего источника выбрал некоторые зоны на разных концах страны, которые уравновешивали его мощь. Впоследствии эти зоны и стали Проклятыми, как называли их простые жители Севера. Сам источник был словно вершиной пирамиды, и стоило ему исчезнуть, как произошла сильнейшая дестабилизация «проклятых» зон. Если раньше твари не могли покидать пределы леса часто и надолго, то с каждым днем люди все чаще стали замечать их на пограничной территории простого леса. Иногда они даже выходили и за его пределы. Пока людям удавалось сдерживать этот напор, во многом благодаря силам Властителей. Но что будет дальше, никто не знал, а делать с этим нужно было что-то уже сейчас. Пока Рик мог

только обновить защитные контуры поселений, входящих в состав Грозового Перевала, то есть подконтрольной ему территории. Но мера была временной, а что дальше? Когда шаткость равновесия начнет набирать амплитуду и все рухнет? Когда проклятые земли перестанут сдерживать тварей? Исчезнут ли они? Вымрут? Или приспособятся, как это уже делает маленькая тварь, что захватила с собой его ненавистная женушка… Ответов у него не было. Но и сдаваться так просто он не собирался. Пока же все, что им оставалось, это сплотиться и думать, попутно отражая участившиеся нападения. Совсем скоро в его земли прибудут другие Властители, его ученики, так же, как и он, принадлежащие землям Грозового Перевала, но сейчас находящиеся на других концах страны, помогая стабилизировать «проклятые» участки там, где все это началось раньше, чем тут. А он – женился, вместо того чтобы улаживать дела! И это ли не прекрасная идея в столь мрачные для их земель времена?!

Йолинь не знала ничего о том, что так угнетало Рика и окружающих ее людей. Она так вымоталась за последние дни, что не могла найти в себе сил ни на что. Вымывшись, поев и покормив Суми, опять пальцем, потому как Веня так и не пришла, Йолинь устало откинулась на спинку кровати в их с Риком комнате и прикрыла глаза. Если ей придется и дальше кормить щенка при помощи пальца, то она будет делать это целый день без остановки… Оказалось, что

это очень и очень тяжело. Есть хотел Суми много, но много ли можно впихнуть в животное за полчаса, например? Не очень. И ее второе кормление зверя отняло у нее добрых два часа или около того. За окном раскрыла свои черные крылья ночь, на небо выполз бледный и столь же уставший, как и сама принцесса, месяц, едва разгоняя мрак в комнате. Она смотрела в окно и не находила в себе сил даже пошевелить пальцем ноги или руки. Так и сидела в огромных размеров ночнушке, что всучила ей Веня, закрывающей ее хрупкой тело от шеи до пят. И ей было абсолютно все равно, придет ли в эту ночь Рик. Наверное, именно в таком состоянии ей было бы проще всего, если бы он вознамерился стребовать супружеский долг. А почему нет? Если ей будет плевать и она будет столь измождена, что, наверное, уснет в процессе. Это было бы лучше всего. Не помнить, не знать, не думать… не чувствовать.

Все чаще она думала о том, что будет делать, если Совет и тут обяжет их… ну, сделать то, что положено мужу и жене. И с ужасом и стыдом она признавалась самой себе, что Рик нравится ей как мужчина. Да, она находила его привлекательным, интересным, сильным, надежным… Но она не нравилась ему. И прекрасно чувствовала это. И это было и больно, и неприятно, и отвратительно, если она будет лежать с ним в одной постели и чувствовать его брезгливость. Все, что угодно, только не это. Она не думала о том, любит ли его. Ответ был очевиден – нет… пока нет или совсем нет? Йо-

линь не знала, это был слишком откровенный вопрос, глубокий, для их поверхностного общения. Но она вдруг вспомнила, что испытала, когда он пришел за ней в сердце Проклятого леса… Она ощутила себя защищенной. И несмотря ни на что, даже на его осязаемую неприязнь, продолжала чувствовать себя рядом с ним надежно. Если бы все зависело от нее, она дала бы им шанс. Но теперь она слишком хорошо знала, что в вопросах любви нужны двое, а ее еще не вполне осознанное желание не значит ничего. Один раз она решила все сама, и ничего хорошего из этого у нее не вышло. Больше она не станет повторять своих ошибок. И лучше и вовсе избавиться от каких-либо иллюзий, чем вновь кому-то сделает больно.

– А что, если у него есть кто-то? – тихо спросила Йолинь Суми, что, свернувшись калачиком, мирно посапывал под ее боком. – У такого мужчины наверняка кто-то есть, – согласно ответила она самой себе. И поразилась, насколько неприятной оказалась эта мысль. – И что же? – Прежняя Йолинь сделала бы все, чтобы заполучить то, что ей захотелось даже на миг. Но не теперь. Она не станет. И так подпортила ему жизнь одним своим существованием, уж лучше станет незаметной и не обременяющей его тенью. Так будет гораздо лучше. – Покой… все, что я хочу…

Принцесса и сама не заметила, как отяжелели ее веки, как налилось приятной тяжестью тело, и она просто провалилась в глубокий сон, так и не найдя в себе сил накрыться одеялом

или полностью лечь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.